ЛЮБОВНИКИ ФИЛОСОФЫ,
или
СТРАСТЬ, ПРЕДВОДИМАЯ *РАЗСУЖДЕНІЕМЪ.*

Частъ II.

Прежде, нежели Дамонъ влюбился въ Емилію, онъ имѣлъ привычку всякой вечеръ посвящать по два часа наукѣ, къ возобновленію котораго провожденія Мерендоръ склонилъ его опять въ томъ мнѣніи, что упражненіе сіе способствуетъ много къ отвращенію его отъ страсти, столь сильно вкорененной въ немъ. Тотъ же кабинетъ былъ опредѣленъ для онаго упражненія; вообразите только удивленіе Дамоново, какъ онъ вошедъ, нашелъ въ немъ Емилію, непристойно лежащую на софѣ, и въ такомъ смущеніи, которымъ сластолюбіе и развращеніе казалось украшали пріятствомъ горесть ея.

Волненіе, которое почувствовалъ Дамонъ, увидя ея, вообразилось уму зловреднымъ предсказаніемъ его твердости; оно его такъ устрашило, что онъ хотѣлъ убѣжать отъ видимой погибели; но Емилія, вскоча съ мѣста своего, удержала его, и будучи увѣрена въ успѣхѣ своего ухищренія, сказала:

„ Не стыдно ли тебѣ, неблагодарной „ человѣкъ являть себя столь нечув„ ствительна къ любви моей, и въ то „ время, какъ я для тебя забыла дол„ жность свою, не уже ли ты ничего для „ меня не сдѣлаешь, чѣмъ столько я про„ винилась передъ тобой? Ахъ! безсовѣ„ стная, отвѣчалъ Дамонъ, (которому „ сія рѣчь подала силу говорить), „ или невѣрность твоя не ясно обличи„ лась, и . . . . .

Емилія перебила его рѣчь, и силою посадя его возлѣ себя, сказала ему страстнымъ голосомъ, жавъ его руку: „ Ахъ! Дамонъ, чрезъ что ты могъ „ заключишь меня невѣрной себѣ, и ка„ кимъ образомъ могъ ты вздумать, „ чтобъ я подлинно предпочла тебѣ Де„ рикура; Емилія не можетъ быть ни чьей, „ кромѣ твоей; будь въ томъ увѣренъ Да„ монъ, я примѣтя, что Дерикуръ при-

„ тво-

„ творился быть влюбленъ въ меня, съ „ надеждою, что я не упущу истинно по- „ любить его. сей глупой умыселъ мнѣ „ очень смѣшонъ показался, и для того „ я вздумала обратить на нево ту насмѣ- „ шку, которую онъ предуготовлялъ мнѣ; „ я увѣрена была, что ты къ нему не мо- „ жешь приревновать.„ Человѣкъ влюблен- ной легко обманутъ бываетъ. Дамонъ уже зналъ Дерикура женщиною, и по той причинѣ нашелъ въ Емилiиномъ оправданiи такое сходство съ правдою, что возмнилъ ее о томъ и извѣстной быть.

„ Дерикуръ конечно для меня неопа- „ сенъ! отвѣчалъ онъ, но не уже ли ты „ вѣдаешь?....

Намѣренiе Емилiино состояло къ томъ, чтобъ оправдаться молодостью Дерикуровой, которой конечно не могъ имѣть много способности въ любовномъ обстоятельствѣ; но усмотря изъ отвѣту Дамонова нѣкоторую въ томъ тайну, будучи столь способна къ хитростямъ, тотчасъ предприняла вывѣдать искуснымъ образомъ сiю загадку.

„ Я все вѣдаю, сказала она голо- „ сомъ отважнымъ..... Ахъ! да ктожъ „ могъ тебѣ открыть сiю тайность, ска- „ залъ Дамонъ? Молва народная, отвѣ-

„ чала Емилія; всякая на свѣтѣ тайна „ подвержена проницанію оной. Этотъ отвѣтъ могъ легко обмануть Дамона, что Емилія извѣстна о тайнѣ мнимаго Дерикура, однакожъ со всѣмъ тѣмъ боясь ошибиться, ничево ей на то не отвѣчалъ. Молчаніе ево и видъ удивленія больше еще умножили Емиліино любопытство. „ Да чтожъ столько тебя удивля- „ етъ, сказала она ему тѣмъ же голо- „ сомъ хитрымъ, Дерикуръ часто быва- „ етъ у Госпожи де Жуанвиль, я у ней „ съ нимъ спознадась, развѣ мудрено „ было мнѣ свѣдать такую тайну, ко- „ торую между истинныхъ пріятелей не „ стараются скрывать.

Тогда Дамонъ уже безсумнѣнъ сталъ, что Емилія знаетъ о тайнѣ Викторіиной, разсуждая, что или Дерикуръ нечаянно какъ нибудь подалъ въ себѣ сомнѣніе, или, можетъ быть, Уранія открыла Госпожѣ де-Жуанвиль приключенія своего друга.

„ Естьли то, что ты мнѣ сказываешь „ теперь, правда, отвѣчалъ онъ Емиліи, „ для чегожъ тогда, какъ я счелъ тебя „ невѣрной, не вывела ты меня изъ столь „ жестокаго сомнѣнія, или тебя веселитъ „ мученье милаго человѣка, тыбъ тѣмъ

„ могла

„ могла успокоить ревность мою; для „ чегожъ ты скрыла отъ меня тайну, „ столь нужную покою моему, сколь важ- „ ную для настоящаго полу Дерикурова.

Емиліи болѣе сего нужды не было для совершеннаго извѣстія; и хотя то узнаніе немало удивило ея, со всѣмъ тѣмъ она имѣла довольно осторожности, чтобъ не показать того Дамону, стала его убѣждать тѣмъ въ невинности своей, увѣряя, что она все то обстоятельно свѣдала прежде, нежели зачала говорить съ Дерикуромъ, отъ Госпожи де-Жуанвиль.

Емилія оправдала себя также искусно и въ презрительномъ своемъ отвѣтѣ на прежніе выговоры Дамоновы, сказавъ, что она въ намѣреніи испытать любовь его къ себѣ, тотъ съ нимъ поступокъ употребила. Дамонъ же обольстясь хитрыми ея рѣчьми, еще больше страстными приговорами, которые она къ тѣмъ пріобщила, тотчасъ позабылъ принятое намѣреніе больше не любить ея; пріятство соблазняющее побѣдило его разсужденіе, и затьмило въ одинъ моментъ въ памяти его и страстныхъ его друзей, и клятву, имъ данную. Емилія умѣла пользоваться своею побѣдою, представила ему уѣхать на нѣсколько времяни

въ

вЪ свою деревню, состоящую вЪ 10 миляхЪ отЪ Парижа: тогда ДамонЪ уже не могЪ преслушанЪ быть ея воли, всѣ ея желанія стали быть уставомЪ для него, и тѣ минуты, вЪ которыя онЪ отъемлемЪ былЪ отЪ своей слабости, казались только для того его отЪ оной отвратили, чтобЪ тогда ей торжествовать побѣдою своею сЪ большимЪ успѣхомЪ; онЪ согласился на представленіе Емиліино, и поѣхалЪ тотЪ же день сЪ нею.

ОднакожЪ узнаніе полу Викторіина со всѣмЪ тѣмЪ озлобило злоумышленно Емилію, и любовь, которую она имѣла кЪ Дерикуру премѣнилась вЪ звѣрскую ненависть кЪ безвинной Викторіи, признавая одну ее причиною презрѣнія, которое ей слѣдовало имѣть кЪ тому случаю, котораго отвагою она подвергала себя такому бѣдствію, и за то она вознамѣрилась конечно отмстить ей. ДамонЪ невѣдѣніемЪ способствовалЪ ей вЪ томЪ негодномЪ умыслѣ; ибо онЪ очень хорошо началЪ, чтобЪ не докончить, онЪ разсказалЪ Емиліи всѣ обстоятельства, прежде и послѣ послѣдуемыя мужеской одежды Викторіиной, о любви Мерендоровой кЪ ней, наконецЪ о всемЪ, что онЪ ни свѣдалЪ отЪ того друга.

Емилія, будучи довольна, что имѣетъ случай погубить Викторію, приняла намѣреніе ничего не упустить для свершенія того. Одинъ Дорантъ могъ способствовать тому ея намѣренію, и для ускоренія того она написала къ нему чрезъ нѣсколько дней слѣдующее письмо:

„Единственно пріемля участіе въ „пользѣ вашей, причиною, что вамъ со„общается тайна, которая безсомнѣн„но печалитъ васъ; Викторія, укрыв„шаяся въ домѣ Ураніиномъ, и нося„щая мужескую одежду пользуется „тѣмъ способомъ для невозбранныхъ „свиданій съ любовникомъ. Оное извѣ„стіе сообщается вамъ въ томъ точно „намѣреніи, чтобъ тѣмъ услужить „вамъ и всей вашей фамиліи, которая „безъ прискорбности смотрѣть не можетъ „приключающее поношеніе самою той, „котораябъ должна была стараться о „славѣ оной, въ награжденіе участія „пріемлемаго требуютъ отъ васъ толь„ко скрытность, ненарушимую объономъ „письмѣ, прости.„

Между тѣмъ, что могли думать легковѣрные друзья слабаго Дамона: они очень испужались, проводя цѣлыя сутки,

ки, не видавшись съ нимъ; назавтрѣе Мерендоръ поѣхалъ къ нему, гдѣ свѣдалъ объ отъѣздѣ его съ Емиліею, которое извѣстіе устрашило и огорчило его, Уранію и Викторію. Во время, какъ онѣ о семъ сокрушались, въ одинъ день Мерендоръ, пробывъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда у Викторіи, принужденъ былъ для необходимыхъ нуждъ разстаться съ нею прежде обыкновеннаго часа; и какъ Уранія съ Викторіей остались однѣ, вдругъ къ нимъ вошедъ сказали, что нѣкто гость пріѣхалъ, которой вошелъ къ нимъ такъ торопливо, что тотъ человѣкъ, котораго онъ послалъ объявить о своемъ пріѣздѣ, не успѣлъ къ нему вытти съ отвѣтомъ. Съ начала Уранія не узнала его, но Викторія, какъ скоро взглянула на него, то вскричала, ахъ, братъ! . . . . Будучи не въ состояніи больше ничего выговорить . . . . „Дорантъ, вскричала Уранія, Боже мой, „тайна наша открыта . . . . Безпутной Дамонъ, только сего знаку не доставало отъ тебя. . . .„

Уранія подбѣжала, и тотчасъ стала помогать другу своему Викторіи, которая только для того опомнилась, чтобъ горько заплакать.

„Я

„ Я пропала, сказала она, Уранія!...
„ Любезная Уранія, не покинь меня.„

Уранія, столькожъ оторопѣвъ какъ Викторія, не въ состояніи была инаго отвѣта сдѣлать, какъ жать руку ея; однако подумавъ, какъ должно ей въ томъ случаѣ поступить, помощію разсужденія пользовалась: обидныя слова, коими Дорантъ ругалъ Викторію, возбудили въ ней храбрость, неслыханную въ женщинѣ.

Злость Доранпова нимало не страшила уже ея; она начала отвѣчать ему столько смѣло, сколько цѣломудренно стала оправдывать поступокъ друга своего, и упрекать его намѣреніями, постыдными противу сестры имѣть.

Рѣчи Ураніины нѣсколько въ робость привели Доранта, которой, не отвѣчая на упреки ея, сталъ извинять поступокъ свой тѣмъ, что получилъ извѣстіе о непорядочномъ поведеніи Викторіиномъ въ домѣ ея.

„ Я соглашаюсь и на то, чтобъ
„ оправдать ея въ томъ, отвѣчала Ура-
„ нія. Я Викторіи представила домъ свой
„ прибѣжищемъ, я присовѣтовала ей но-
„ сить одежду мужескую, въ которой ты
„ ея теперь видишь, въ намѣреніи точно

„спасти

„спасти ея отъ твоего гоненія; здѣсь „все отвѣтствовать тебѣ можетъ въ „невинности ея и добродѣтели.„

Дорантъ чаялъ испужать Уранію, подавъ ей письмо Емиліино; но Уранія, такъ какъ и Викторія, тотчасъ узнали, кто вымыслилъ тотъ вредъ имъ нанесть?

„Ахъ! Викторія, сказала ей Ура„нія, сколько сердце мое рвется! Могла „ли я ожидать, чтобъ ты подвержена „была такому злоухищренному злодѣй„ству!„

„Согласны ли вы дать мнѣ нѣсколь„ко времяни, сказала она потомъ Доран„ту, чтобъ уличить при васъ ту негод„ную женщину, которая писала сіе зло„вредное письмо?„

„Конечно нѣтъ, отвѣчалъ До„рантъ свирѣпымъ голосомъ, я больше „время не имѣю, какъ столько, чтобъ „не медля ѣхать съ Викторіею.„

„Очень хорошо, пусть она ѣдетъ „съ вами, отвѣчала Уранія, только доз„вольте мнѣ себя спросить, какую судь„бину вы опредѣляете сестрѣ своей?„

Вопросъ сей очень не полюбился Доранту, и онъ инаго не нашелъ въ отвѣтъ, какъ съ насмѣшкою сказалъ, что въ томъ онъ никому отчету не намѣ-

ренъ

ренъ давать; а щитаетъ себя властнымъ по всѣмъ правамъ повелѣвать Викторіею.

„Однакожъ вы сею властію такъ „свободно не будете пользоваться, какъ „чаете, отвѣчала съ горячностію Ура„нія, я ея изъ своего дому инако не „выпущу, какъ въ такое мѣсто, гдѣ „честь ея будетъ въ безопасности, ко„торое мѣсто полагаю въ вашу волю „избирать съ тѣмъ, что сама поѣду ту„да ея проводить.

Оная рѣчь столько озлобила Доранта, что онъ не умѣлъ воздержать себя, и для устрашенія Викторію, съ отважнымъ ея товарищемъ, не оставя ни одной подлой брани, ни ругательства обиднаго, которымибъ не язвилъ ихъ; но совсѣмъ тѣмъ все оное не споспѣшествовало для желаннаго успѣха, и ежели Уранія довольно была великодушна, что жертвовала терпѣніемъ своимъ для охраненія чести друга своего, которой сіе приключеніе будучи явно, могло нанесть поношеніе; то нимало не испужалась угрозъ Дорантовыхъ, а твердо осталась въ принятомъ своемъ намѣреніи. И наконецъ Дорантъ принужденъ былъ согласиться на ея требованіе.

Тогда Уранія, наклонясь къ Викторіи, шепнула ей, „поѣдемъ, любезной „другъ! День храбрости и добродѣтели „наступилъ, Богъ защитникъ невинно„сти не оставитъ тебя, кротость лю„бовника твоего служитъ тебѣ утвер„жденіемъ въ его постоянствѣ, подкрѣп„ляй себя Философіею, которой ты до„днесь подражала. Пожалуй Викторія, „слѣдуй своему разсужденію; я всего „отъ него ожидаю.

Сіи рѣчи ободрили Викторію, она утерла слезы свои, дружески пожала руку Ураніину, и вышла въ другую горницу въ женское платье переодѣться; но не въ состояніи была уѣхать, не оставя знаку страстной своей любви Мерендору; написала, какъ могла скорѣе, слѣдующее письмо къ нему, которое отъ дала Ураніиной дѣвкѣ ему вручить.

Письмо отъ Викторіи къ Мерендору.

„Измѣна и неправосудіе вооруженны „противу насъ Мерендоръ; братъ мой, „свѣдавъ о мѣстѣ моего убѣжища, прі„ѣхалъ удалить меня отъ того, кто „для меня дороже всего въ свѣтѣ. Я „ѣду.....

„ѣду . . . . . . Боже мой! моглаль давича я думать, что я въ послѣдней „разъ съ тобою видѣлась? Но что я „говорю, статься тому не льзя! Я не „отчаяваюсь еще въ надеждѣ видѣть „перемѣну въ нашей судьбинѣ; вооружимся „до тѣхъ поръ терпѣніемъ, которое разсужденіе не можетъ отучить отъ сердецъ сопряженныхъ самимъ имъ; такая „любовь, какъ есть наша, никогда не „бывала покорна непостоянству времяни; „добродѣтель твоя служитъ мнѣ залогомъ „въ твоей вѣрности; въ моей же ты „долженъ безсумнѣнъ быть, и то увѣреніе должно тебя принудить терпѣливо „сносить наше злоключеніе. Отъ Ураніи „ты свѣдаешь о всѣхъ прискорбныхъ „обстоятельствахъ, которыя я имѣла „передъ отъѣздомъ своимъ; великодушная дружба не допустила ее предать „меня во власть Дорантову. Она ѣдетъ „со мною, ожидай ея возврату; увѣщаваю тебя не мешить никому изъ нашихъ „злодѣевъ; желаніе сохранить себя для „меня, должно тебя не допустить до того; „наипаче не предпріимай ничего противъ „Доранта; помни, что онъ мнѣ братъ, „и что одно это имя, я хочу, чтобъ „тебя обезоружило противу него. Сей

 „есть

„ есть одинъ предѣлъ, которой предписываетъ тебѣ та любовница, которая до „ какогобъ состоянія доведена ни была, „ и среди самыхъ лютѣйшихъ напастей, „ не станетъ инымъ упражняться, какъ „ тобою; прости Мерендоръ, прости.... „ Не переставай любить страстную Викторію.

Между тѣмъ Уранія учреждала надлежащія приуготовленія къ отъѣзду, избѣгая тѣмъ зверскихъ рѣчей Дорантовыхъ. Она взяла двухъ надежныхъ своихъ слугъ съ собою, и вмѣстѣ съ Викторіей сѣла въ шездепостъ, а Дорантъ передъ ними поѣхалъ верьхомъ, препровождая ихъ въ * * *

Уранія, пользуясь способнымъ временемъ, увѣщавала огорченную Викторію не крушиться, обѣщавъ ей присылать сколько можно чаще писма отъ Мерендора. На оное Викторія объявила ей о письмѣ, которое передъ отъѣздомъ своимъ къ нему написала, и просила ея о продолженіи всегдашней ея дружбы къ Мерендору: „ Не допускай его углубляться въ печали, говорила она ей, скрой „ отъ него, естьли то надобно, часть „ моего огорченія; только лишъ не забывай напоминать о любви моей къ нему; „ тебѣ,

„ тебѣ, любезная Уранія, поручаю увѣ-
„ рить его въ томъ; сотвори милость,
„ не презри моего прошенія.

Во время сего разговора Уранія горько плакала, вся твердость ея колебнулась, видя жалкое состояніе Викторіино; ей очень чувствительно было видѣть ея невинною жертвою слѣпой повѣренности, которую онѣ съ Мерендоромъ имѣли клятвѣ Дамоновой, хотя и разговаривала ея всевозможными обнадеживаніями для успокоенія ея въ печали.

„ Викторія, любезной и страстной
„ другъ, говорила она ей, какими гла-
„ зами смотришь ты теперь на сла-
„ бость моего сердца къ тому бездѣль-
„ нику, которой причиною всей твоей
„ напасти? Не должно ли было мнѣ
„ узнать его прежде, нежели полюбить;
„ отъ сколькихъ бы горестей я тѣмъ
„ тебя спасла? Но не вини въ томъ ме-
„ ня, неблагодарной меня обманулъ, и
„ Мерендора также; мы оба чаяли его
„ добродѣтельнымъ, можноль было ду-
„ мать, Боже мой! чтобъ ты была жер-
„ твою нашей ошибки?

Викторія еще не выговаривала до тѣхъ поръ имя Дамонова, боясь возобновить горесть Ураніину. Но въ отвѣтъ

 на

на оное сказала съ нѣкоторою ласкою: „Дамонъ можетъ быть меньше вино„ватъ, чѣмъ мы его находимъ; но по„ложимъ, что онъ и виноватъ, за „чтожъ мнѣ винить твою чувствитель„ность; можно ли было тебѣ отвѣтство„вать въ хитростяхъ, кои онъ для „обмана употребилъ, и не всечасно ли „видимъ мы добросердечныхъ людей, об„манутыхъ безсовѣстными? Пожалуй не „думай такъ худо обо мнѣ, чтобъ я „могла такъ неправосудно мыслить. „Ахъ, ежелибъ Дамонъ могъ оказать „себя достойнымъ въ мысляхъ любезной „моей Ураніи, тобъ я почла горести, отъ „него претерпѣваемыя, довольно удовле„творенными!

„Чтобъ этотъ бездѣльникъ и об„манщикъ былъ достоинъ сердца моего, „отвѣчала Уранія съ благородною гор„достію! Нѣтъ, Викторія, конечно „оное случиться не можетъ; я увѣрена, „что съ нимъ во вѣки никакого обяза„тельства имѣть не буду; я любила „Дамона, пока его щитала въ состояніи „быть добродѣтельна, но узнавъ его „подлой души, самабъ себя возненави„дѣла, ежелибъ столько слабости мо„гла имѣть, чтобъ еще его любить.

„Авось

„Авось либо Богъ его возвратитъ на „путь добродѣтельной, отвѣчала Викторія, и ежелибъ желаніямъ своимъ я „могла способствовать, тобъ конечно „тебѣ не осталось ничего желать; да я „въ томъ не вовсе и безнадежна; „статься можетъ, что я льщусь тѣмъ „отъ большаго желанія. . . .

„Окончимъ сію рѣчь, перебила съ „восхищеніемъ Уранія, одно напоминаніе о немъ ужъ безмѣрно горчитъ меня.

„Станемъ же о себѣ говорить, отвѣчала на это Викторія, не перестанешь ли ты Уранія любить меня? Во „мнѣжъ будь увѣрена, что единственное мое упражненіе будетъ любить „тебя и Мерендора; мысль моя всегда „будетъ наполнена вами; тѣло одно „будетъ отдаленно отъ васъ, душажъ „вся неотлучна при васъ останется.

„Ахъ! любезная Викторія, отвѣчала Уранія, любовникъ и другъ истинной, могутъ ли на моментъ перестать „тебя любить и мыслить о тебѣ? Конечно ты будешь служить содержаніемъ „нашихъ разговоровъ, и неотлучна будешь отъ сердецъ нашихъ.

Сія рѣчь, сопряженная ласкою съ сомнѣніемъ, пресѣчена была Дорантомъ, которой подъѣхалъ объявить Ураніи, что отъ находящагося мѣста въ милѣ есть аббатство, которое онъ избираетъ для Викторіи. Уранія очень довольна была симъ мѣстомъ; она слыхала великую похвалу о той обители, и такъ все ея обнадеживало въ учтивостяхъ и снизхожденіяхъ противъ Викторіи; нещастная любовь причиною была основанію того аббатства, отъ неяжъ и первой кирпичь положенъ. ....

....

....

Ласковой пріемъ игуменьииъ обнадежилъ очень Уранію и Викторію тѣмъ паче, что оная монахиня съ первой встрѣчи Викторію полюбила, и обѣщалась употребить все, что можетъ способствовать ей пріятно вести жизнь уединенную; Дорантъ же, слушая учрежденія Ураніины, которыя совсемъ противны были его намѣреніямъ, немало злобился; но знавъ твердость оной благоразумной женщины, не смѣлъ ни въ чемъ противорѣчить ей, а только ожидалъ съ нетерпѣніемъ, чтобъ она уѣхала для совершенія звѣрства своего противъ Викторіи.

Ура-

Уранія предвидѣла Дорантовы намѣренія, и для того нужнымъ почла для воспрепятствованія тѣмъ оставить тайнаго надзирателя надъ нимъ, которой бы ее увѣдомлялъ о всѣхъ его поступкахъ, въ которыхъ случаяхъ моглабъ имѣть время не допускать его до успѣху желаннаго; для сего избрала она одного надежнаго изъ помянутыхъ съ собою взятыхъ людей, и сама назначила ему мѣсто, гдѣ жить по близости отъ монастыря, приказавъ ему присылать къ себѣ всѣ письма, кои онъ будетъ получать отъ Викторіи, равно какъ и ей, чтобъ не медля исправно вручалъ всѣ, которыя къ нему присыланы будутъ, паче всего приказала содержать тайну ту ненарушимо.

Столь благоразумныя осторожности казалось обѣщали нѣкоторое утѣшеніе Викторіи въ новомъ ея состояніи, въ надеждѣ, которой Уранія нѣсколько успокоену себя находила; но то успокоеніе недолѣе продолжилось, покамѣстъ пришло время прощаться съ Викторіей, которая столь чувствительно огорчена была вообраafженіемъ состоянія Мерендорова, что торопилась какъ можно скорѣй приближить тотъ лютой моментъ: „ Поѣжжай, любез-

 „ ная

„ная Уранія, сказала она ей, дружба зовет тебя въ другое мѣсто, Мерендоръ имѣетъ великую нужду въ помощи твоей, не отрекись оную ему „подать, успокой его печаль, я того „желаю, лишъ бы тѣмъ любовь его ко „мнѣ не уменьшилась, прости, любите „оба меня; въ томъ заключаетъ единственное свое желаніе Викторія.

Слезы пресѣкли ея рѣчь; а Уранія, слѣдуя обыкновенной своей твердости, выдернулась изъ ея рукъ, и пожавъ дружески руку ее, ушла, и съ возможною торопливостію поѣхала въ Парижъ.

Между тѣмъ въ какомъ состояніи былъ Мерендоръ, свѣдавъ о злощастномъ приключеніи, которое похитило у него то, что для него въ свѣтѣ дороже было, сердце его терзалось мучительными движеніями.

„Викторія у меня похищена, говорилъ онъ, Дорантъ свѣдалъ, гдѣ она „укрывалась отъ него, только ктожъ „открылъ ему тайну сію?

Дамонъ одинъ былъ, на котораго онъ могъ возмнить то, однако со всѣмъ тѣмъ онъ не осмѣливался въ томъ своемъ сомнѣніи утвердиться, чая тѣмъ обидить друга своего; онъ трепеталъ

отъ

отъ ужасу, мысля только, что Дамонъ могъ быть тотъ измѣнникъ столь безсовѣстной, и письма Викторіина не довольно было для достовѣрнаго въ томъ подозрѣнія, которое онъ многократно читая болѣе огорчался, и восхищаяся любовью, непрестанно цѣловалъ его, горько плакалъ, и не токмо стыдился своей чувствительностію, а находилъ въ томъ славу свою.

Симъ образомъ Мерендоръ провождалъ время во ожиданіи Уранію, которая не успѣла еще на дворъ взъѣхать, какъ онъ къ ней побѣжалъ.

„Куда ты дѣвала своего друга, „вскричалъ онъ, и какимъ образомъ мо„гла ты, Уранія, согласиться отпустить „ее отъ себя?

„Все мое стараніе противиться то„му нималой помощи не принесло бы, „отвѣчала съ горестію Уранія, измѣна са„мая злохищренная способъ для того у „меня отняла . . . . Однакожъ ты не „робѣй, Викторія въ безопасномъ мѣстѣ „находится, и въ такомъ уединеніи, въ „которомъ обѣщались мнѣ стараться все „употреблять къ утѣшенію ея; она „тамъ будетъ упражняться о такомъ „любовникѣ, котораго боготворитъ, и

„для

„ для него станетъ себя беречь: тѣ суть
„ послѣднія ее намѣренія. Сколько ты
„ Мерендоръ щастливъ, что владѣешь
„ столь страстнымъ, вѣрнымъ и добро-
„ дѣтельнымъ сердцемъ, и сколько прі-
„ ятно быть столь несомнѣнно увѣренну
„ въ любви милаго человѣка! Подумай
„ только, сколько я въ ономъ случаѣ не-
„ щастна . . . . Вѣдаешь ли ты все мое
„ злополучіе?

„ Не ужъ ли ты имѣешь утвержде-
„ ніе въ моемъ страхѣ, сказалъ трепе-
„ тавъ Мерендоръ, правда ли то, что
„ Дамонъ . . .

Сіе письмо увѣдомитъ тебя больше моего, отвѣчала Уранія, подавъ ему то которое Емилія писала къ Доранту.

Чтобъ вообразить о движеніяхъ, которыя подѣйствовали въ сердцѣ Мерендоромъ по прочтеніи сего письма, надлежитъ такъ чувствительну быть, какъ онъ былъ, въ которомъ онъ усмотрѣлъ не токмо причину отъѣзда Викторіина, но и честь оной добродѣтельной любовницы оклеветанну самимъ безсовѣстнымъ вымысломъ.

„ Правосудный Боже! сказалъ онъ,
„ не уже ли попустишь Ты такое окаян-
„ ство безъ наказанія, и претерпишь,
„ чтобъ

„ чтобъ наисовершеннѣйшее Твое творе-
„ ніе было поругано тѣмъ, что натура
„ произвела всево хуже!

Потомъ Мерендоръ обратилъ свое роптаніе къ безсовѣстному Дамону, которому принялъ намѣреніе отмстить.

„ Что ты хочешь дѣлать Мерендоръ,
„ сказала ему Уранія голосомъ сердитымъ?
„ Викторіинуль любовнику подлежитъ
„ повиноваться таковымъ движеніямъ?
„ Или ты забылъ то завѣщаніе, кото-
„ рое она въ послѣднемъ своемъ письмѣ
„ предписываетъ тебѣ? И помнишь ли о
„ томъ, что жизнь твоя принадлежитъ
„ ей до тѣхъ поръ, что ты ни въ какомъ
„ случаѣ невластенъ отваживать оную?
„ Дамонъ же недостоинъ мщенія твоего;
„ забудь, что онъ на свѣтѣ есть, или
„ только помни о немъ съ презрѣніемъ;
„ печаль твоя продолжиться не можетъ;
„ всякой день протекающей сокращаетъ
„ срокъ Викторіина невольства; вообрази,
„ сколько ты огорчишь ее, естьли небре-
„ женіемъ своимъ лишишь себя и ее ща-
„ стія, пріобрѣтеннаго толикими трудами?
„ Презри Дамона, старайся не сходить-
„ ся съ нимъ, и отнюдь не посягай на
„ жизнь его; но что такое я говорю?
„ Какъ. . . . Ахъ! Мерендоръ. . . .

„ Боже

„Боже мой! не промолвилась ли я въ „чемъ?

Мерендоръ увидѣлъ, что Уранія со всею злобою на Дамона не умѣла истребить любви, чувствуемой къ нему; онъ тотчасъ пресѣкъ свое роптаніе, и Уранія разсказала ему о всѣхъ своихъ поступкахъ и о способѣ, которой она изыскала для переписки его съ Викторіей; Мерендоръ очень тѣмъ обрадованъ сталъ, чувствительными словами благодарность свою изъяснилъ за то, и не медля воспользовался великодушнымъ ее попеченіемъ, тотчасъ написавъ къ Викторіи.

Письмо отъ Мерендора къ Викторіи.

„Я тебя теряю, а ты приказы„ваешь мнѣ быть спокойну, и запре„щаешь крушиться; или возможно съ „такою любовію, какъ моя къ тебѣ, „быть столько тверду, чтобъ спокойно „сносить всѣ приключающіяся злополу„чія? Нѣтъ! любезная Викторія, буде „я тебѣ и обѣщаю столько цѣломудрія „употребить въ поступкѣ своемъ, то „конечно увѣряю не имѣть той бодро-

„сти

„сти духа, которой ты отъ меня тре-
„буешь; это превосходитъ возможность
„мою, и всю силу моей любви; скажу
„еще больше, все разсужденіе мое не
„согласуется съ тѣмъ; какое ужасное
„состояніе! Жалѣй о мнѣ, я тебя бого-
„творю, лишенъ удовольствія то тебѣ
„сказывать, ограбленъ благополучія чи-
„тать въ глазахъ твоихъ страстной
„возвратъ, которымъ ты награждаешь
„пылающую мою любовь; знаю тебя
„претерпѣвающу гоненія неправосудныя,
„и жертвою оклеветанія безсовѣстнаго;
„тѣмъ паче терзается духъ мой, что
„я кромѣ себя виннымъ толикихъ оскор-
„бленій никого признавать не могу; ко-
„нечно Викторія, я тебя погубилъ,
„я измѣнилъ тайнѣ твоей; я тебя
„жертвовалъ своему злощастному легко-
„вѣрію, бывъ обманутъ бездѣльникомъ;
„онъ уже опытъ того нрава своего по-
„казалъ, на что было мнѣ ему вѣрить,
„и я не послѣдовалъ той должности;
„какіяжъ слѣдствія, великій Боже, про-
„израстаютъ отъ слабости моей; могуль
„довольно крушиться о томъ, и чемъ
„могу извинить себя предъ тобой? На-
„противъ чего, чтожъ ты дѣлаешь? Сама
„разговариваешь меня въ печали сей; лю-

„ бишь меня, робѣешь, чтобъ я не усу-
„ мнился въ томъ; инымъ не упражня-
„ ешься, какъ мною, и Уранія употреб-
„ лена увѣрять меня въ томъ; какими
„ словами могу описать такую милость,
„ сколько доказываешь любви, велико-
„ душная любовница, могуль я то возмѣ-
„ рить жертвою жизни своей; яжъ увѣ-
„ ренъ, что во мзду того, ты кромѣ
„ страстной любви и нѣжности сердечной
„ ничего не требуешь. Ахъ! Викторія,
„ ты одна достойна повелѣвать мною,
„ одна ты и владычествуешь умомъ,
„ душею и всѣми чувствами страстнаго
„ Мерендора; разсужденіе мое въ томъ
„ тебя должно увѣрить, оно присутство-
„ вало при рожденіи страсти моей, оно
„ оную и утвердило. Самоежъ сіе раз-
„ сужденіе служить мнѣ будетъ и для
„ подкрѣпленія меня въ лютыхъ нашихъ
„ злополучіяхъ; желаю, чтобъ оное спо-
„ собствовало и ко утѣшенію тебя въ
„ горестяхъ, и чтобъ оное обязало те-
„ бя боготворить непоколебимо до смер-
„ ти того любовника, которой только
„ для одной тебя дышетъ.

Уранія взялась оное письмо сослать къ Викторіи, въ которомъ сама приписала нѣсколько строкъ, чрезъ которыя

увѣ-

увѣдомила ее съ какимъ затрудненіемъ она могла утѣшить въ печали Мерендора.

„ Мнѣ не осталось ничего ко удостовѣренію твоему въ страсти его, написала она къ ней; я усмотрѣла, что „ онъ краснорѣчивѣе меня въ томъ, въ „ чемъ вы и сами думаю, согласитесь; „ утѣшайся Викторія, естьли удовольствіе быть любимой можетъ служить „ къ тому, здѣсь любовь хранитъ для „ тебя совершеннѣйшее благополучіе. Повѣренной Ураніинъ вручилъ сіи письма Викторіи, на которыя она отвѣчала слѣдующее:

Письмо отъ Викторіи къ Мерендору.

„ Перестань нарекать на себя въ причинѣ моего злополучія Мерендоръ, „ ты чувствуешь оное съ такимъ огорченіемъ, что не долженъ виннымъ себя признавать; станемъ винить одну „ судьбину нашу, которая находитъ пріятство утѣснять сердца согласныя. „ Боже мой! какъ щастливы мы были; „ мы пользовались всѣми забавами, которыми любовь страстная и добро-

„дѣтельная могла дозволить; только со „всѣмъ тѣмъ не станемъ упражняться „причиною премѣны, столь злополучной „для насъ; ежели теченіе времяни имѣетъ „какое право надъ тѣмъ, по малой „мѣрѣ никакого не имѣетъ надъ серд- „цами нашими; непостоянство времяни „не можетъ довесть и любовь нашу до „тогожъ состоянія, будучи увѣрены „любить другъ друга вѣчно; можетъ ли „что пріятнѣе сего для утѣшенія на- „шего быть? Конечно. Въ Мерендорѣ за- „ключаетъ всю свою надежду Викторія, „подъ его предстательствомъ всѣ лю- „тѣйшія мученія сносны мнѣ; онъ обо- „дряетъ меня, онъ способствуетъ тор- „жествовать моему разсужденію; желаю, „чтобъ оно столькожъ дѣйствовало и „тобою; тѣ суть желанія страстной „Викторіи о пользѣ твоей.

„Паче всего, любезной Мерендоръ, „почитай Уранію въ Дамонѣ, она сама „отъ себя скрываетъ тѣ мысли стра- „стныя, которыя добродѣтель въ ней „обличаетъ; но твое любочестіе съ сниз- „хожденіемъ обязываетъ смотрѣть на „слабость ея, въ знакъ дружбы ея къ „намъ.

Къ Ураніижъ отвѣтъ ея состоялъ въ увѣреніяхъ вѣчной дружбы и благодарности за неоставленіе въ печали Мерендора, съ прозьбою о продолженіи того, описавъ притомъ скуку, которую она претерпѣваетъ въ уединеніи своемъ, увѣдомляя, что братъ ее не пропускаетъ ни одного дня, чтобъ не приходить къ ней въ парлуаръ, въ которомъ она примѣчаетъ какъ по глазамъ его, такъ по рѣчамъ и по всѣмъ обращеніямъ то, что всего больше ее страшило отъ него.

„Я не знаю, продолжала она, судьбины, которую онъ мнѣ предуготовляетъ; но ежели онъ употребитъ насильство, то я не упущу поступить, какъ честь и любовь мнѣ повелѣваютъ; не сказывай о семъ Мерендору, я боюсь тѣмъ встревожить его; но еще больше того боюсь, любезная Уранія, чтобъ мнѣ не сдѣлаться недостойной „его и твоей дружбы.

Лишъ только что Викторія отдала оное письмо повѣренному Ураніину, то братъ ея къ ней пріѣхалъ; чему она не могла удивиться; ибо онъ обыкновенно всякой день поднажды къ ней пріѣжжалъ; только тотъ разъ видъ злой и серди-

той на лицѣ его опаснымъ предвѣщаніемъ казался ей быть.

И тѣмъ началъ говорить, что сказалъ ей грубымъ голосомъ: ты меня разумѣешь.... Я уже много разъ намѣреніе свое тебѣ объявлялъ.... Все долженствовало къ тому тебя предуготовить....

„Я уже мѣры свои взяла, отвѣчала „Викторія, ты въ судьбинѣ моей властенъ, сердцемъ же повелѣвать не можешь, которому непорочность служитъ „предѣломъ; другагожъ никакова не пріемлетъ; пользуйся теперь своимъ правомъ, въ томъ воля твоя состоитъ.

„Посмотримъ долго ли ты упорствовать станешь, отвѣчалъ зломышленной „Дорантъ, однако ты не во всѣхъ случаяхъ сіе разсужденіе сохраняешь безсовѣстная, и любовникъ....

„Я равномѣрно не уважаю несправедливыми твоими клеветами, какъ угрозами, сказала сердитымъ голосомъ Викторія, такое сердце какъ мое, никогда не „имѣло причины стыдиться своими склонностьми, и ежели то правда, что я „могла полюбить кого нибудь то будь „увѣренъ Дорантъ, что я въ томъ чело-

„ вѣкѣ нашла добродѣтели, достойныя
„ любви моей.

Тогда Дорантъ такъ обезпамятѣлъ, что конечнобъ звѣрски поступилъ съ любезной Викторіей, ежелибъ не собственно себя охраняя отъ поношенія воздержался, только со всѣмъ тѣмъ намѣренія не отмѣнилъ отмстить ей за то; онъ тотчасъ поѣхалъ изъ монастыря, и чрезъ часъ возвратился въ коляскѣ, назначенной силою увесть Викторію. Викторія тщетно просила помощи своихъ товарищей, но ни одна не осмѣлилась подать ей въ томъ случаѣ, ни сама игуменья, которая до того времяни казалась быть столь благосклонна къ ней, и которая столько обнадежила Уранію быть ея предстательницей; истинну сказать, не зная умыслу Дорантова, старалась еще уговаривать Викторію терпѣливо сносить то, и ниже какое сопротивленіе употребила для спасенія ея отъ той лютой напасти, которая довольно доказывалась слезами ея, а только Викторія, будучи любима и подъ покровительствомъ знатнаго друга, показалась ей достойной увѣщаванія ея. И такимъ образомъ Викторія нещастная и лишенная всякаго предстательства хотя все столькожъ добродѣтельна, должна была почитать

щастіемъ и то, что о ней сожалѣютъ; понеже и то великою милостію къ ней сочтено было. Однакожъ Викторія принуждена была итти за неупросимымъ братомъ своимъ, во время, въ которое она обращала свои смущенные взоры во всѣ стороны, казалось, что искала кого нибудь, ктобъ столько великодушенъ былъ, чтобъ спасъ ее отъ той погибели; наконецъ увидѣла она повѣреннаго Ураніина, въ слѣдъ за нею идущаго, которому приказано было надзирать всѣ поступки Дорантовы, которой видѣлъ какъ Дорантъ пріѣхалъ въ монастырь, какъ уѣхалъ, и какъ потомъ опять возвратился; оное обстоятельство привело его въ сомнѣніе, что Дорантъ имѣетъ какой ни есть умыселъ зловредной противъ Викторіи, и той ради причины неотлучно преслѣдовалъ за нею. Присутствіе его ободрило нещастную сію дѣвицу въ той надеждѣ, что онъ не оставитъ ее въ напасти, которую она неизбѣжной почитала отъ пагубнаго умыслу Дорантова, и въ томъ намѣреніи безъ сопротивленія повиновалась воли его сѣсть въ коляску; они ѣхали во весь день, ни одного слова не молвя. Викторія, облокотясь на руку, горько плакала, помышляя,

ляя, сколько огорчитъ сей случай Мерендора и Уранію; Дорантъ же внутренно веселился, льстясь имѣть желаемой успѣхъ, и радовался мученіями, которыя готовилъ нещастной своей сестрѣ, словомъ сказать, такія мученія, кои увѣрительно несносными уповалъ для нея быть, и чрезъ то получить удовольствіе желаемаго своего намѣренія.

Однакожъ Викторія не знала куда Дорантъ везетъ ее, и уже ввечеру о томъ свѣдала; каляска остановилась у дому, стоящаго въ лѣсу, которой Викторія почла въ мысляхъ своихъ разбойничьимъ притономъ; токмо она въ томъ ошиблась; ибо это былъ монастырь, о которомъ Дорантъ сказалъ ей, что она въ немъ останется жить. Видъ мѣста, которой все злое предвѣщалъ, столько испужалъ нещастную Викторію, что она обмерла при началѣ свиданія съ тутошними монахинями. Сіе приключеніе тронуло нѣсколько Доранта, но со всѣмъ тѣмъ онъ не упустилъ возобновить начальницѣ наставленіе, уже ей извѣстное, какимъ образомъ поступать съ Викторіей.

Дорантъ умѣлъ выбрать мѣсто, удобное для укрытія Викторію; хотя мо-

настыри нарочно заведены для охраненія непорочности, но со всемъ тѣмъ часто служатъ для вреда той. Съ начала Викторія неутѣшно огорчилась, видя себя подвержену такимъ ужаснымъ обстоятельствамъ, но вспомня о любви Мериндоровой и о клятвѣ, которая обязывала ея беречься для него, воздержалась въ той печали, сколько могла въ такомъ бѣдственномъ случаѣ.

Повѣренной Ураніинъ ѣхалъ за ними до самыхъ монастырскихъ воротъ; но какъ уже тогда смерклось, какъ они туда пріѣхали, то онъ не останавливаяся тутъ, возвратился назадъ въ твердомъ намѣреніи доказать Викторіи и Ураніи свое усердіе. Хотя корысть, обыкновенной порокъ въ людяхъ его состоянія, дѣйствовалъ и въ немъ, но видна была и добродѣтельная въ немъ склонность, которую Уранія примѣтя во нравѣ его и удостоила его токмо важною повѣренностью. Онъ ни въ какомъ случаѣ всуе употребленія той и не доказалъ, такъ какъ и въ оной случай еще съ радостью пользовался способомъ симъ въ знакъ изъявленія, до которыхъ поръ вѣрность его къ ней простирается. Назавтрее онъ возвратился опять въ тотъ монастырь, гдѣ была Вик-

Викторія, только не могъ свѣдать ни отъ которой служанки монастырской, что происходитъ съ невинной сей плѣнницей, видя же, что и въ слѣдующіе дни старание его безъ успѣху оставалось, онъ склонилъ одну изъ служащихъ старицъ прозьбою и подарками объявить себѣ о томъ, и свѣдалъ, что Дорантъ привезъ туда Викторію подъ именемъ такой дѣвицы, которая худымъ своимъ поведеніемъ удостоилась наистрожайшаго надъ собою надзиранія: къ томужъ Викторія была любезна, что немало способствовало къ умноженію непрестанныхъ ей оскорбленій отъ зависти, которую къ ней возымѣли негодные ея сотоварищницы.

Повѣренной Ураніинъ тотчасъ увѣдомилъ Государыню свою о всемъ, что свѣдалъ, пославъ къ ней обстоятельное описаніе о выѣздѣ Викторіиномъ изъ перваго монастыря, и о всемъ, что за тѣмъ послѣдовало.

Между тѣмъ, чтожъ дѣлала, и что говорила Викторія; Боже мой! единственное ее утѣшеніе состояло въ размышленіи о несомнѣнной любви къ себѣ своего любовника.

„Ты меня любишь, любезной Мерен-„доръ, говорила она себѣ, добродѣтель

„ твоя въ томъ меня удостовѣряетъ;
„ только не сомнѣваешься ли ты въ томъ
„ постоянствѣ. Конечно нѣтъ, ты зна-
„ ешь Викторiино сердце, и то, что оно
„ не для инаго столь горячаго свойства
„ произведено, какъ чтобъ любить те-
„ бя одного; такого увѣренiя конечно
„ довольно для ободренiя твоего въ со-
„ крушенiи; что же я за то ему должна,
„ и сколько обязана воздерживаться въ
„ печали своей? Прiѣжжай Дорантъ, не
„ щади жертву свою, истощи всю злость
„ свою на меня, умертви. . . . Я без-
„ страшно ожидаю смерти отъ твоихъ
„ рукъ, будучи увѣрена во владѣнiи Ме-
„ рендорова сердца, чаю себя тысячу
„ разъ щастливѣе тебя.

Тѣ были разсужденiя оной вѣрной любовницы, въ оборону злохищренiя безсовѣстнѣйшаго; однакожъ внутренно она въ великомъ страхѣ была; всеминутно означивалось смущенное отчаянiе на лицѣ ея чрезъ разныя движенiя, и недовольно, что жестокосердiе неслыханное устрашало ея ожиданiемъ разныхъ оскорбленiй, въ прибавокъ къ тому сожалѣнiе притворное сотоварищницъ ея, способомъ ругательныхъ насмѣшекъ умножало ея прискорбности. Сiе ужасное состоянiе пре-

тер-

терпѣвала она во время отсутствія брата своего, которой веседневно пріѣжжалъ умножать то злобными упреками, угрозами, и всемъ, что могло только въ робость ея приводить. Но все то безъ успѣху оставалось, и Викторія сносила всѣ тѣ гоненія съ такимъ твердымъ терпѣніемъ, храбростію и снизхожденіемъ, чтобъ могла утолить и самыя звѣрскія сердца! Напротивъ чего она тѣмъ только усугубляла злость немилосердыхъ своихъ мучителей.

Ураніяжъ время провождала не меньше горестно; отвѣтъ, полученной отъ Викторіи, очень испужалъ ее; обращеніе и угрозы Дорантовы предвѣщали ей слѣдствія, весьма опасныя для друга ея; къ пущемужъ огорченію Уранія принуждена была таить о томъ отъ Мерендора, которой до отчаянія дойти могъ, свѣдавъ о томъ. Токмо полученное извѣстіе нѣсколько дней спустя о приключеніи, случившемся съ Викторіей уже преодолѣло скрытность ея. Одному Мерендору могла она открыть злую ту тайну; но она не замедлила въ раскаяніе притти, что отважилась объявить ему о той. Ибо онъ столь огорченъ сталъ извѣстіемъ тѣмъ, что она не чаяла, чтобъ

онъ

онЪ могЪ перенесть ту печаль; тогда она принуждена была, забывЪ собственное свое о томЪ огорченіе стараться разговаривать его, вЪ которомЪ случаѢ ежели краснорѢчіе и премудрые разговоры ея успокоили нѢсколько печаль Мерендорову, то нимало не облегчили слабость внутренняго рвенія, отЪ котораго вЪ здоровьѢ его видимой вредЪ оказался, и большая опасность вЪ жизни.

ВЪ великодушныхЪ сердцахЪ злополучія не токмо уменьшаютЪ любовь, а умножаютЪ ту; доказательствомЪ чему служитЪ поступокЪ УраніинЪ, которая неотлучно отЪ Мерендора старалась разговаривать его вЪ печали.

„Великодушная Уранія, говорилЪ „онЪ ей отчаяннымЪ голосомЪ, чѢмЪ я „могЪ удостоиться такихЪ чувствительныхЪ знаковЪ дружбы твоей? Научи „меня, какимЪ доказательствомЪ могу „изЪявить должное мое признаніе за „то?

„АхЪ! МерендорЪ, повинуйся всегдашнему благоразумію своему, отвѢча„ла ему Уранія, подумай какЪ ты „всегда подражалЪ оному, не уже ли „одинЪ моментЪ имѢлЪ силу колебнуть „такую добродѢтель? Живи, и не уны-

„вай,

„вай, щастiе тебя ожидаетъ, вотъ
„все награжденiе, которое я отъ тебя
„требую за свою дружбу.

„Да это не во власти моей состо-
„итъ, отвѣчалъ Мерендоръ, перестань
„Уранiя, не убѣждай меня разсужденiемъ;
„и вмѣсто, чтобъ оно воздерживало ме-
„ня въ печали, оно возбуждаетъ ту во
„мнѣ. Я виною погибели любезной Ви-
„кторiи; я не достоинъ больше жить...
„Быть причиною нещастiя той, кото-
„рую любишь, продолжалъ онъ съ нѣ-
„которою задумчивостiю, разсуди, лю-
„безная Уранiя, можно ли чѣмъ спо-
„коить духъ свой послѣ сего.

„Я знаю состоянiе гораздо мучи-
„тельнѣе сего, сказала Уранiя, которое
„есть любить человѣка недостойнаго;
„обожать тварь, презрѣнiя стоющую;
„ахъ! Мерендоръ, сколько подкрѣпленiя
„имѣешь ты въ горестномъ своемъ со-
„стоянiи, ты самъ любишь, и увѣренъ
„въ любви Викторiиной, и со всѣмъ
„тѣмъ, что любовь твоя нещастна, но
„добродѣтельна. Ты безстыдно можешь
„признаваться въ той; словомъ сказать,
„ты любовiю своею славу приносишь чело-
„вѣчеству...

Окончa сію рѣчь, Уранія горько заплакала, чемъ заставила Мерендора почувствовать справедливость горести ея. „Какъ ты мнѣ жалка, Уранія, сказалъ „онъ, Дамонъ, жестокосердой Дамонъ, „сколько ты намъ нещастій приклю-„чаешь!

О опасности въ жизни Мерендоровой вскорѣ извѣстно стало всѣмъ его знакомымъ, между которыхъ одинъ пріятель Дамоновъ, зная его короткую дружбу съ Мерендоромъ немало удивился, видя холодность, заступившую то мѣсто. Въ столь же важной случай не могъ воздержаться, чтобъ не спросить Дамона о причинѣ того чрезъ письмо, которое онъ получилъ въ самой тотъ день, въ которой Емилія созвала къ себѣ всѣхъ въ сосѣдствѣ бывшихъ Госпожъ. Не можно изъяснить горести, которую Дамонъ почувствовалъ, свѣдавъ, что другъ его умираетъ. Дружба его къ Мерендору непремѣнна была. Одна страсть любовная только могла спорить той въ сердцѣ его. Тогда столь разныя чувства подѣйствовали въ немъ равно; но какъ приключеніе настоящее всегда болѣе уязвляетъ мысли наши; единственно будучи встревоженъ теряніемъ друга, почти не упражнялся

жнялся Емиліей, которая веселымъ своимъ провожденіемъ пущую горесть ему наносила.

Полученное письмо увѣдомляло Дамона о опасности, неминуемой въ жизни Мерендоровой, робость его умножалась всеминутно, и къ вечеру столь сильно одолѣла его, что онъ, не въ силахъ будучи преодолѣть себя, принялъ намѣреніе самъ увидѣть состояніе Мерендорово; онъ ушелъ тайно отъ докучающаго ему собранія, и написавъ письмо къ Емиліи о причинѣ своего отъѣзда, съ возможною торопливостію поѣхалъ въ Парижъ.

Уже начало смеркаться, когда Дамонъ поѣхалъ, и съ великимъ поспѣшеніемъ торопился доѣхать въ то мѣсто, гдѣ уповалъ видѣть друга, котораго нещастія возжгли корень дружбы умалившей, и не потушенной въ сердцѣ его.

Дамонъ ничего не вѣдалъ о злоумышленномъ поступкѣ Емиліиномъ противъ Викторіи. Виннымъ же себя признавалъ передъ Мерендоромъ въ томъ только, что не содержалъ обѣщанія своего ему не любить Емилію. Въ чемъ надѣялся получить прощеніе, зная его природно благосклонна и самаго влюблена.

на. Въ сихъ расположеніяхъ онъ надежно ѣхалъ къ нему. Но приближаясь къ дому Мерендорову нѣсколько оробѣлъ; ибо со всѣми достоинствами, которыя онъ приписывалъ Емиліи, онъ не могъ не признать, что великая разность есть между его обязательствомъ съ ней, и Мерендорова съ Викторіей; въ разсужденіи чего ожидалъ выговоровъ справедливыхъ тѣмъ паче, что не находилъ никакого извиненія во оправданіе свое; той ради причины вознамѣрился заѣхать прежде къ Ураніи, въ намѣреніи склонить Викторію заступить за него; не представляя того, что ея ужъ въ домѣ у Ураніи нѣтъ.

Уранія щитала Дамона виннымъ; а робкой его видъ, съ которымъ онъ представился глазамъ ея, еще больше обвинилъ его въ мысляхъ ея, что она почла новою обидою, и тѣмъ больше означила ту досаду свою, что онъ вошедъ къ ней, ни на одинъ вопросъ свой, сколько важны оные ни были, не удостоенъ былъ ни отвѣтомъ, ни взглядомъ ея. Дамонъ же принялъ сіе обращеніе совсемъ въ иное, нежели въ самомъ дѣлѣ было. Онъ заключилъ изъ столь великаго ея смущенія, что уже друга его

на

на свѣтѣ нѣтъ, которымъ случаемъ будучи огорченъ, находился въ такой смущенной задумчивости, и будучи утвержденъ во мнѣніи семъ, обезпамятя вскричалъ:

„ Чрезъ молчаніе ваше я разумѣю „ постигшее злоключеніе съ другомъ моимъ, ахъ! *Уранія*, я все потерялъ, „ конечно Мерендора уже на свѣтѣ нѣтъ.

Сначала Уранія почла сіи рѣчи дѣйствомъ новой хитрости, но вдругъ увидя его рыдающа, и лице его, означенное отчаяннымъ огорченіемъ въ жалость ея привело. Заблужденіе, въ которомъ Дамонъ казался быть въ жизни Мерендоровой, служило Ураніи хорошимъ случаемъ для укоренія его во всѣхъ злодѣйствахъ, въ которыхъ чаяла его виннымъ:

„ На что притворствовать, говорила „ она, такую печаль, которой совершен„ но не чувствуешь, или тебѣ мало ка„ жется, что ты причиною смерти его, „ не уже ли ты пріѣхалъ еще ругаться „ имъ и по смерти?

„ Какія подлыя мысли заключаете „ вы во мнѣ *Уранія*, отвѣчалъ Дамонъ? „ Чѣмъ я столько провинился? И можетъ „ ли то быть, чтобъ я былъ причиною

„его смерти, я, которой бы искупилЪ „его жизнь своею кровію.

„Не стыдноль тебѢ оправдывать „себя, будучи столь виненЪ, отвѢчала „Уранія, измѢнникЪ! БогЪ тебѢ за то „мститель, которой ежели отпускаетЪ „слабости, то никогда измѢны, ни без„честнаго поступку; измѢна и без„честной поступокЪ, вскричалЪ ДамонЪ, „ахЪ! вы, которую я столько право„судной чаялЪ всегда быть и чисто„сердечной, какимЪ образомЪ можете вы „винить меня столь неправосудно? Я „виненЪ, признаюсь тѢмЪ, что не „сдержалЪ Мерендору обѢщанія своего не „любить Емилію, нарушилЪ вЪ томЪ „свою клятву; но ежели когда нибудь „вы чувствовали любовь, то долженЪ ли „я такимЪ преступникомЪ вамЪ казать„ся? ЕмиліяжЪ представилась мнѢ стра„стнѢе всегдашняго, и доказала себя „невинной и вѢрной.

„Невинной и вѢрной, перебила его „рѢчь Уранія презрительнымЪ голосомЪ, „праведное небо! ужЪ не слышется ли „мнѢ такое наглое извиненіе, не сты„дно ли тебѢ такЪ безсовѢстно опра„вдать ея? Только напрасно я удивля„юсь сему; ибо кто участникЪ такихЪ

„сквер-

„скверныхъ дѣлъ, тотъ долженъ ихъ „и защищать; выговоря такую рѣчь „Уранія, хотѣла уйти вонъ, но Да„монъ удержалъ ее.

„Я примѣчаю изъ рѣчи вашей та„кую тайну, которую совсемъ понять „не могу, сказалъ онъ ей, пожалуй „изъясни мнѣ содержаніе той, Боже „мой! за что такъ ужасно обиженъ я, „въ какомъ скверномъ дѣлѣ Емиліиномъ „сообщникомъ признаете вы меня, и ка„кимъ случаемъ я былъ причиною смер„ти Мерендоровой?

„Можноль тебѣ того не вѣдать, „отвѣчала Уранія, ты зналъ, что „онъ былъ влюбленъ въ Викторію, „и потому могъ разсудить, что похи„тить у него любовницу значитъ умо„рить его?

„Похитить у него Викторію, от„вѣчалъ Дамонъ, Боже мой! ежели та„кое намѣреніе въ мысль мою приходи„ло; кто это Уранія оклеветалъ ме„ня столько предъ вами?

„Письма онаго можетъ быть до„вольно будетъ для изобличенія тебя, „сказала Уранія, подавъ ему то, ко„торое Емилія писала къ Доранту,

„ прочти, и послѣ того станешь ли от-
„ пираться въ измѣнѣ своей?

Дамонъ алчной торопливостію сталъ читать мнимое доказательство невѣдомой вины своей, котораго каждое слово въ неописанное смущеніе его приводило; „ Уранія, вскричалъ онъ дрожащимъ го-
„ лосомъ, не уже ли сіе письмо дошло
„ до рукъ Дорантовыхъ?

„ Мерендорово состояніе служитъ
„ тому вѣрнымъ свидѣтельствомъ, от-
„ вѣчала она, ежелижъ не достаетъ для
„ тебя лютаго удовольствія вѣдать
„ слѣдствіе того, такъ веселись тѣмъ,
„ и знай, что Викторія, будучи уве-
„ зена отъ меня, подвержена такому
„ состоянію, какого горестнѣе не можно
„ вообразить; въ дополненіе чего вѣдай
„ и то, что въ оборону насильства и
„ безчеловѣчныхъ покушеній непорочная
„ и добродѣтельная Викторія страдаетъ,
„ сокрушается и претерпѣваетъ разныя
„ гоненія вдругъ; чрезъ сіе описаніе мо-
„ жешь ли сомнѣваться въ злополучномъ
„ случаѣ, которой причиною смерти Ме-
„ рендоровой, и въ состояніи ли ты не при-
„ знать себя содѣтелемъ таковыхъ муче-
„ ній, когда только ты одинъ неблаго-
„ дарной былъ участникъ тайны столь

„ важной

„ важной для сихъ злощастныхъ любов-
„ никовъ?

Не можно изъяснить последуемаго отчаянія Дамонова отъ сего ужаснаго извѣстія, которое столь сильно огорчило его, что Уранія, усмотря изумленное состояніе его, нужнымъ почла пресѣчь ту рѣчь; однако она не упустила примѣтить даже до малѣйшаго движенія его, и очень довольна была, видя его въ такомъ раскаяніи, которое не могло истекать изъ порочнаго сердца?

Наконецъ Дамонъ, увидя столь прилѣжное ея примѣчаніе всѣхъ знаковъ его горести, сказалъ ей:

„ Будь свидѣтель печали, терзающей
„ мое сердце, которое достойно всякаго
„ мученія. Ахъ, Уранія! какую тайну
„ объявила ты мнѣ; а ты любезной Ме-
„ рендоръ, съ какимъ мнѣніемъ о мнѣ
„ умираешь? Сколько оно несправедливо,
„ я признанъ плутомъ, измѣнникомъ;
„ такимиль качествами можешь ты по-
„ рицать друга своего, или одного мо-
„ мента довольно было для совершенна-
„ го превращенія душевныхъ склонно-
„ стей, и не уже ли дружба не имѣ-
„ ла столько силы, чтобъ защитить ме-
„ ня въ сердцѣ твоемъ? По симъ рѣчамъ

„ Уранія, заключи свое сомнѣніе неспра„ведливымъ, и будь увѣрена, что не „токмо я былъ сообщникомъ умысла „Емиліина, весь духъ мой терзается, „свѣдавъ только о томъ.

Послѣ сего Дамонъ разсказалъ Ураніи рѣчь, которую онъ имѣлъ съ Емиліей въ то время, какъ помирился съ ней, и то, какимъ образомъ та хитрая женщина увѣрила его, что она свѣдала тайну Викторіину отъ Госпожи де-Жуанвиль.

Уранія угадала лучше Дамона хитрость, которую Емилія употребила для свѣданія отъ него той тайны, что дала примѣтить и Дамону; для лучшагожъ увѣренія его въ томъ, послала позвать къ себѣ Госпожу де-Жуанвиль, которая пріѣхавъ, клятвенно удостовѣряла его, что не токмо она когда открывалась Емиліи въ той тайнѣ, а напротивъ сама до тѣхъ поръ не вѣдала ничего, что ниже сомнѣніемъ подозрѣвала тому быть; ибо мнимой Дерикуръ очень осторожно себя велъ, чтобъ можно было угадать о томъ.

Послѣ такого изъясненія, Дамону ужъ никакъ не можно было сомнѣваться въ хитростяхъ и злодѣйствахъ Емиліиныхъ, что его не столько озлобило противъ

тивъ ея, сколько противъ самаго себя, для чего могъ допустить такъ нагло себя обмануть.

„ Мерендоръ, вскричалъ онъ огор-„ ченнымъ голосомъ, любезной и добро-„ дѣтельной другъ, по этому я причи-„ ною смерти твоей, я жертвовалъ то-„ бою непотребной бабѣ. Боже мой! ку-„ да дѣвалось то дорогое время, въ ко-„ торое я былъ достоинъ дружбы тво-„ ей, въ которое я любилъ и обожалъ „ добродѣтели твои, и лучшимъ удоволь-„ ствіемъ находилъ подражать тѣмъ; „ проклятая Емилія погубила насъ обо-„ ихъ, и сердце мое стало порочно съ „ тѣхъ поръ, какъ я началъ любить ея.

Уранія не въ состояніи была больше укорять легкомысліемъ Дамона, будучи не въ силахъ долѣе скрывать участіе, пріемлемое въ признаніи его, и сердце ея, уже очень оскорбленное въ пользу его, не допустило болѣе являть холодность ко всѣмъ опытамъ, доказательнымъ добродѣтельнаго его сердца.

Я очень радуюсь, видя тебя въ признаніи Дамонъ, вскричала она, не печалься, другъ твой еще живъ, хотя весьма въ худомъ состояніи. Свѣдавъ, что Мерендоръ еще живъ, Дамонъ хо-

тѣлъ къ нему итти и оправдаться передъ нимъ, буде то возможно; но Уранія представила ему, что Мерендоръ, чая его содѣтелемъ своего злоключенія, может опасному состоянію подверженъ быть увидя его,

„ Поступокъ, которой ты съ сего „ времяни употребишь, сказала она ему, „ можетъ только оправдать тебя, только я того боюсь, проживетъ ли онъ „ столько времяни, чтобъ самому свидѣтелемъ сего быть? Ахъ! Дамонъ, „ сколько неудобныя дѣйствія твоей неосторожности должны тебя теперь „ устыдить; вобрази только, сколько „ ты себя укорять долженъ въ прошедшемъ поступкѣ своемъ? Прости меня, „ ежели по должности дружбы я осмѣливаюсь о томъ тебѣ напоминать.

Къ оному Уранія пріобщила обстоятельное изъясненіе Дамону о началѣ слѣдствій и заблужденій, въ которыя страсть ослѣпленная къ Емиліи ввергла его. Дамонъ признался во всемъ томъ сперьва изъ учтивости, и потомъ искренно; Уранія защищала права должности и разсудка, а можетъ быть и любви; пламя скрытое, воздвигающееся въ сердцѣ ея поощряло рѣчь ея; голосъ ея былъ

и

и грозенъ и страшенъ вдругъ; душевное ея движеніе обличалось краскою на лицѣ ея, которая умножала красоту ея пріятствъ природныхъ; Дамонъ же смотрѣлъ на нея, и слушалъ рѣчи ея съ смущеніемъ удовольственнымъ; на силу осмѣливался дышать, чая слышать самую премудрость, истекаемую изъ ея устъ. Между тѣмъ перемѣна совершенная сдѣлалась въ сердцѣ его; и то, что узнаніе пороковъ Емиліиныхъ начало, добродѣтель Ураніина совершила: онъ не токмо перестала любить Емилію, но возненавидѣлъ ея, на противъ чего столько почувствовалъ любви къ Ураніи, что трепеталъ, мысля о неблагодарности своей за всѣ ея знаки дружескіе, которыхъ онъ недостоенъ былъ; внутренно терзался, что допустилъ ея быть свидѣтелемъ всѣхъ своихъ заблужденій, предпріялъ то удовлетворить, сталъ вымышлять способы къ тому, и заключилъ, что возвращеніемъ въ домъ ея Викторіи наградитъ свои проступки передъ нею, и успокоитъ тѣмъ огорченное сердце любезнаго Мерендора.

„Ты торжествуешь, сказалъ онъ „съ восхищеніемъ, Уранія, пользуйся „своимъ трудомъ, конечно ты возвратила меня на путь истинной, для чего

„ только не можешь ты видѣть все дѣйство, тобою произведенное въ моемъ „ сердцѣ; но уже съ сихъ поръ не словами должно увѣрять въ томъ тебя, а „ дѣлами. Боже! допусти меня имѣть „ время доказать тебѣ то, и сохрани „ жизнь Мерендорову десницею Своею, „ для узнанія премѣны, во мнѣ тобою „ произведенной. Я оставляю тебя . . . „ Только прошу тебя! Уранія . . . Не „ забудь пересказать сіи послѣднія мои „ слова тому, котораго еще дерзаю на- „ зывать другомъ своимъ; скажи Мерен- „ дору, что я поѣхалъ жертвовать жи- „ знію въ знакъ истиннаго признанія „ всѣхъ моихъ винъ." Выговоря сіе, Дамонъ вышелъ вонъ и поѣхалъ, Уранію жъ оставилъ въ великомъ страхѣ тѣмъ скоропоспѣшнымъ своимъ отъ нея отъѣздомъ.

Дамонъ присутствіемъ своимъ долго продержалъ Уранію отлучно отъ Мерендора, которая по отъѣздѣ его тотчасъ пошла къ нему провѣдать, не послѣдовалоль съ нимъ какой дурной перемѣны во время ея отсутствія; однако нашла его въ томъ же состояніи, упражненна Викторіинымъ злополучіемъ; извѣстіемъ же своимъ нѣсколько успокоила

ила печаль его; ибо онъ со всею слабостію своею и справедливыми причинами сердится на Дамона; очень обрадовался свѣдавъ о признаніи его, великодушное сердце во всякомъ случаѣ доказывается; онъ уже при началѣ той вѣдомости почувствовалъ жалость къ Дамону, а послѣдними рѣчьми, которыя онъ къ нему приказалъ, совершенно убѣжденъ былъ. *Скажи Мерендору, что я поѣхалъ жертвовать жизнію въ знакъ истиннаго признанія всѣхъ моихъ винъ*; да чтожъ такое онъ предпріялъ? Ахъ! я знаю, Дамонъ храбръ и великодушенъ; что выговоря, угадалъ точное его намѣреніе.

„Уранія, сказалъ онъ торопливымъ голосомъ, пошли сказать Дамону, чтобъ онъ поворотился, я трепещу намѣренія имъ принятаго; сдѣлай милость, поспѣшай, польза сердца твоего требуетъ того, Дамонъ дерзское намѣреніе принялъ; я его знаю, хочу видѣть его и говорить съ нимъ, Уранія . . . Но отъ чего являешь ты себя столь нечувствительну въ то время, какъ все долженствуетъ смущать тебя.

Уранія и сама въ томъ же сомнѣвалась, въ чемъ Мерендоръ; но не взирая

рая на внутревное свое смущеніе, заключала, что Дамонъ инымъ заслужить не можетъ своихъ продерзостей, какъ отважною храбростію въ пользу тѣхъ, которыхъ злополучію онъ причиною былъ; она предвидѣла горесть, которую нанесетъ ей Дамонъ, ежели не предуспѣетъ въ намѣреніи своемъ; только со всѣмъ тѣмъ твердостью духа преодолѣвала смущеніе свое, и согласовалась лучше лишиться его, сколько то сокрушительно для нея ни будетъ, нежели видѣть его жива и посрамленна.

„ Я столь же, или и больше твоего „ робѣю, отвѣчала она Мерендору, только „ со всѣмъ тѣмъ лучше хочу потерять „ Дамона, нежели видѣть его винна.

Мерендоръ удивился разсужденію великодушной сей женщины, но то его ободрить отъ страху не могло, и Уранія наконецъ принуждена была послать по Домана, только уже то поздо было; ибо она получила въ отвѣтъ, что Дамонъ, пріѣхавъ отъ нея домой, послалъ тотчасъ нанять почтовыхъ лошадей и уѣхалъ, не сказавъ никому куда.

Что ты намѣренъ дѣлать, дерзской человѣкъ, вскричалъ смущеннымъ голосомъ Мерендоръ, сколько огорчишь меня,

буде

буде погибнешь? Буде же побѣдишь, что скажетъ Викторія?

Нѣсколько дней протекло въ мучительномъ неизвѣстіи; Мерендоръ все печаленъ былъ, и жизнь его казалась только ожидала опредѣленія любовной его судьбины. Наконецъ оное означилось чрезъ письмо, отъ Дамона къ Мерендору подписанное на конвертѣ отъ перваго порту Аглинскаго. Мерендоръ распечаталъ оное дрожащею рукою, и прочелъ слѣдующее:

„Нещастія, мною приключенныя, не „меньше требовали, какъ жертву жизни „моей; цѣломудріемъ одаренная Уранія, „конечно не упустила увѣдомить тебя, „Мерендоръ, о признаніи моемъ во всѣхъ „винахъ; оно было искренно, и я о „томъ только Бога просилъ, чтобъ до„пустилъ меня доказать то хотя „смертію, но щедрость его болѣе про„стиралась ко мнѣ, нежели я и желать „дерзалъ. Ахъ! Мерендоръ, онъ спо„спѣшествовалъ мнѣ возвратить тебѣ „любовницу, веселись теперь спокойно „щастіемъ любить и быть любиму, „уже для тебя не осталось препят„ствій никакихъ. Дорантъ смертію „наказанъ за свои мерзскія дѣла. Я

„отъ-

„отыскалъ Ураніина повѣреннова, ко-
„торой былъ свидѣтелемъ моихъ рѣчей
„съ Дорантомъ и слѣдствій съ нимъ
„послѣдуемыхъ; онъ можетъ тебѣ пере-
„сказать о всемъ приключившемся; чтожъ
„до меня принадлежитъ, я оставляю
„отечество, долговремянно служащее по-
„зорищемъ моихъ заблужденій; весьма
„щастлива почту себя, естьли лишені-
„емъ вольности и щастія быть съ то-
„бою вмѣстѣ, могу возвратить твою
„дружбу.

При окончаніи онаго письма Дамонъ объявилъ ему то мѣсто, которое онъ избралъ для своего укрытія.

Приключеніе сіе чувствительно огорчило Мерендора, всякая строка письма Дамонова причину къ тому подавала, и щастіе быть съ любовницею, которую боготворилъ, почти не утѣшало его въ горести о судьбинѣ друга своего; страхъ же непреоборимаго огорченія Викторіина, и мщенія неукротимаго фамиліи ея, въ случаѣ смерти Дорантовой, усугублялъ горесть его. Въ самое сіе время получилъ онъ пакетъ отъ повѣреннаго Ураніина, содержащей два письма отъ Викторіи, одно къ Ураніи, а другое къ Мерендору, съ приложеніемъ описанія обстоятельствъ

тельствѣ сраженія Дамонова съ Дорантомъ.

Дамонъ, свѣдавъ отъ Ураніи, что она опредѣлила нарочнаго надзирателя для охраненія Викторіена, старался узнать гдѣ онъ живетъ, и при первой встрѣчѣ съ нимъ, открылъ ему намѣреніе свое увидѣться безъ свидѣтелей съ Дорантомъ, которой лишь только началъ представлять ему способы къ тому, какъ вдругъ Дорантъ избавилъ ихъ того затрудненія; у него былъ опредѣленъ одинъ слуга для надзиранія всѣхъ произхожденій около того монастыря, въ которомъ сестра его жила, съ строгимъ повелѣніемъ примѣчать людей, которые приходить станутъ, и освѣдомляться, за чемъ; пріѣздъ же Дамоновъ, и вопросы его о обстоятельствахъ и состояніи Викторіиномъ, показались слугѣ Дорантову причиною весьма сомнительною, чтобъ не сообщить о томъ господину своему. Дорантъ вообразилъ тотчасъ того молодаго человѣка любовникомъ сестры своей, о которомъ къ нему писала Емилія, въ разсужденіи которомъ столько озлобился, что не медля поскакалъ въ то мѣсто, гдѣ слуга Дамона оставилъ, котораго увидя, лютость его умножилась, и тотчасъ

часъ

часъ грубымъ голосомъ его спросилъ, за чемъ онъ тутъ пришелъ? На что не дождавшись отвѣта, сталъ Дамона ругать и пересмѣхать ужасно любовью, мнимой имъ къ сестрѣ своей. Но Дамонъ, избѣгая нареканія собственнаго на себя, сталъ отвѣчать ему снизходительно, объявляя ему, что по участію, пріемлемому во всемъ, касающемся до Викторіи, онъ не въ состояніи видѣть ея претерпѣвающу какую жалкую и ничемъ неудостоившуюся судьбину, пріобща къ тому, что онъ не токмо подозрительнаго чего требуетъ, а соглашается не видаться вовсе съ ней съ тѣмъ только, чтобъ она получила свободу, и вступила во всѣ тѣ права, которыя поведеніемъ своимъ добродѣтельнымъ она заслужила.

Дерзость Дорантова вожжения была кротостію Дамоновой, которую онъ почелъ за трусость вмѣсто знака цѣломудрія; но Дамонъ, не взирая на то еще нѣсколько времяни съ холодною кровію сносилъ сіе; однако наконецъ увидя, что учтивость его служила жаломъ дерзостному безпутству Дорантову, сталъ сердитымъ голосомъ упрекать его

въ

въ непотребныхъ намѣренiяхъ противъ сестры своей. . . . .

Дорантъ прiобщалъ ко всѣмъ своимъ порокамъ и отважное сердце, чемъ будучи поощренъ, столько озлобился за грубые упреки на Дамона, что вдругъ бросился къ нему съ обнаженной шпагой, которой равномѣрно тожъ сдѣлалъ, токмо съ презрѣнiемъ и съ цѣломудренною осторожностiю. Дорантъ былъ храбръ, но тѣмъ образомъ, которымъ звѣрство больше, нежели истинная храбрость предводитъ; горячность погубила его; ибо, будучи заколотъ Дамономъ, получилъ конецъ жизни и скверныхъ своихъ дѣлъ.

О смерти Дорантовой не замедлилось извѣстно быть всѣмъ сотоварищницамъ Викторiинымъ, которыхъ приключенiе то очень огорчило; потому что сей случай свобождалъ Викторiю изъ подъ ига, и способствовалъ ей отмстить имъ всѣ претерпѣвшiя отъ нихъ грубости. Ни одна изъ нихъ не отважилась сообщить ей о томъ приключенiи, почитая то нещастнымъ для себя; и когда повѣренной Уранiинъ пришелъ къ ней, тогда уже ни которая не осмѣлилась ему возпрепятствовать увидѣть Викторiю.

Не взирая на всѣ претерпѣвшія отъ Доранта гоненія, натура подѣйствовала въ сердцѣ сей добродѣтельной женщины; она горько заплакала о смерти его, и о своенравіи, въ которомъ онъ упорствовалъ до часу издыханія; по обстоятельствамъ же, съѣдавшимъ отъ повѣреннаго, она не могла Дамону тотъ случай въ вину почесть; хотя поступокъ его и немало ея удивилъ, однако она не столько старалась узнать сущую причину тому, сколько безпокоилась, видя необходимость мстить ему за то; онъ былъ убійца ея брата, но былъ ея и благодѣтель. Какое противорѣчіе, щастіе быть сопряженной бракомъ съ тѣмъ, кого боготворила, сплетено было съ лютѣйшимъ неудовольствіемъ. Будучи въ сихъ размышленіяхъ, написала слѣдующее письмо къ Мерендору:

Письмо отъ Викторіи къ Мерендору.

„Надобно столько любить, сколько я „тебя, чтобъ чувствовать все бѣдство „моей судьбины. Ахъ! Мерендоръ, день „столь благословенной, которой возвра-

„щалъ

„щалъ меня къ нашей любви, долженствовалъ ли быть помраченъ убивствомъ брата моего, и пріятнѣйшее „свиданіе съ тѣмъ, кого боготворю, „долженствовало ли сопряжено быть съ „горестью неизбѣжнаго предосужденія, „ежели не скрою чувствуемой моей радости? Вообрази только ужасное мое состояніе; натура обязываетъ меня искать „смерти тому, которой отваживалъ жизнь „свою для свобожденія меня того лютаго „мученія, которое было причиною разлученія моего съ тобою; безразсудной „Дамонъ! надлежалоль тебѣ отваживать „жизнь и спокойствіе свое съ тѣмъ, чтобъ „подвигнуть меня лютой надобности „искать твоей погибели? Однако со всѣмъ „тѣмъ естественное правило не потушаетъ во мнѣ здраваго разсужденія; „я извѣстна о обстоятельствахъ зловреднаго того сраженія, и должностію „почитаю справедливость отдать цѣломудрію друга твоего. Уже Доранта на „свѣтѣ нѣтъ, и хотя законы гражданскіе повелѣваютъ мстить, но не воспрещаютъ же тебѣ и защищать Дамона. „Яжъ, подражая тѣмъ законамъ, позволяю тебѣ стараться происки мои „безъ успѣху оставить. Боже мой! уже

 „смертью

„смертью его не возвратить мнѣ бра„та моего, а противу тебя конечно „явлю себя преступницею, равно какъ „и противу Ураніи, скажу больше, и „противу самой себя; однакожъ ты „самъ разсудить можешь, чего благо„пристойность требуетъ отъ меня. Мнѣ „не можно съ тобою, Мерендоръ, видѣть „во все время проклятаго сего дѣйствія; „я увѣрена, что ты о мнѣ жалѣть ста„нешь, и очень справедлива тебя щитаю, „чтобъ могъ тѣмъ меня обвинить. Про„сти и помни, что я на вѣки твоя.

Къ Ураніижъ письмо содержаніе свое имѣло почти такоежъ, съ тою разницею, что она просила ея, чтобъ не допускала Мерендора печалиться, и запечатавъ оба сіи письма Викторія отдала ихъ повѣренному Ураніину, которой, запечатавъ ихъ въ одинъ пакетъ, отослалъ тотчасъ къ Госпожѣ своей.

„Мерендоръ прочтя письмо вскри„чалъ: Ахъ, великодушная любовница! „сколько цѣломудрія являешь ты въ сво„емъ нравѣ, которой плѣнилъ сердце мое, „сколько наслаждаешь ты тѣ моменты, „въ которые я почувствовалъ любовь

„къ

„къ тебѣ, конечно съ тѣхъ поръ толь„ко я началъ пользоваться щастіемъ „бытія своего.

Но ежели дружба Мерендора къ Дамону и желаніе исходатайствовать прощеніе ему, способствовало ему съ терпѣніемъ сносить отсутствіе Викторіино, то онъ не въ состояніи былъ безъ огорченія напоминать себѣ, что она остается жить безъ утѣшенія въ такомъ городѣ, въ которомъ хотя и родилась, но никогда не имѣла случаю ни съ кѣмъ короткаго знакомства свести, въ которой печали дружба Ураніина успокоила его; ибо она согласилась ѣхать къ Викторіи съ тѣмъ, чтобъ тамъ жить съ ней до окончанія того слѣдствія; однако вѣдомость сія пріятная произвела такую премѣну въ здоровьѣ Мерендоровомъ, что онъ совсемъ изъ опасности вышелъ, въ намѣреніи которомъ Уранія и назвалась тѣмъ утѣшить его, которымъ намѣреніемъ Мерендоръ чувствительно обрадованъ былъ, и Уранія поѣхала въ монастырь къ Викторіи, въ которомъ свѣдала, что фамилія ея, съ прискорбностію узнавъ о строгомъ содержаніи любезныя сея дѣвицы въ томъ монастырѣ, увезли ея оттуда, и

Уранія поѣхала въ * * * гдѣ была Викторія. Не можно изобразить радостнаго свиданія страстныхъ сихъ друзей, тѣмъ паче, что послѣ разлученія, послѣдуемаго такими огорчительными обстоятельствами онѣ не уменьшили нимало другъ къ другу дружбы искренной, и свободны стали всѣхъ гоненій; сколько было приговоровъ, и сколько цѣлованія! Я не предпріиму описывать того, будучи не въ состояніи изобразить тотъ пріятной случай. Уранія разсудила утаить отъ Викторіи о опасности, въ которой находилась жизнь Мерендорова; ибо для огорченія ихъ довольно было и злоключенія Дамонова.

Челобитная на него уже подана была, и для той причины Мерендоръ, не дождавшись совершеннаго исцѣленія отъ болѣзни, сталъ стараться о защищеніи его обще съ фамиліею Дамоновою, прибѣгъ къ предстательству наисильнѣйшему, и не упустилъ ничего, что могло ихъ склонить въ пользу его друга. Дорантъ подалъ случай всей своей фамиліи злобствовать на себя, которые не столько мщенія ради, какъ по должности любочестія вступили въ судъ. Викторіяжъ хотя

хотя слѣдовало больше всѣхъ явить себя исцомъ того, но она очень молода была, чтобъ стараніе то отъ ея воли зависило; и такимъ образомъ она съ удовольствіемъ увидѣла себя тогда принуждену согласиться со мнѣніемъ сродниковъ, которые за лучшее избрали оставить дѣло, коего успѣхъ имъ сомнителенъ казался, неимѣя никакихъ доказательствъ противъ Дамона. И какъ скоро представили имъ съ стороны соперника желаніе примириться, то они тотчасъ согласились на то, и окончили судъ, и сіе зловредное приключеніе было предано забвенію, вмѣстѣ съ памятью посрамленнаго Доранта.

Мерендоръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія дѣла сего, чтобъ тѣмъ скорѣе обрадовать друга своего, при увѣдомленіи которомъ увѣщавалъ его скорѣе пріѣхать пользоваться знаками взаимной дружбы, пріобща къ тому, сколько онъ желаетъ, чтобъ онъ почувствовалъ всю цѣну благополучія, которое его ожидаетъ.

Чрезъ сію рѣчь Мерендоръ говорилъ ему о любви Ураніевой, но Дамонъ былъ весьма упражненъ возобновленнымъ къ

ней чувствомъ, чтобъ могъ угадать то его намѣреніе; онъ уже писалъ къ Ураніи по отъѣздѣ своемъ, на которое письмо имѣлъ отвѣтъ столь чувствительной и столь убѣждающей его подражать тѣмъ похвальнымъ намѣреніямъ, въ которыхъ онъ ее увѣрялъ при послѣднемъ свиданіи, что онъ не переставая читалъ то ее письмо, и вся мысль его упражнена была по перемѣнно то удивленіемъ цѣломудрію, которое предводило перомъ ея, то краснорѣчію, которое она употребила для изъясненія тѣхъ своихъ мыслей; словомъ сказать, тѣмъ только и упражнялся, что служило знакомъ любви его къ Ураніи. Сердце Дамоново не для инаго свободилось Емиліиныхъ цѣпей, какъ для окованія себя достойнѣшими его; однакожъ духъ его тревожился предвѣщаніемъ худаго успѣху въ новомъ семъ обязательствѣ.

„Какое новое чувство испытываю „я, говорилъ онъ, по размышленіи о сво„ихъ продерзостяхъ? И сколь оное разно „съ тѣми, которыми я прежде наслаж„дался. Уранія! . . . . Но возможно ли, „чтобъ та Уранія, которую я никогда „не умѣлъ довольно узнать и эстимо-

„вать,

„ вать, чтобЪ та Уранія, которая сви-
„ дѣтелемЪ была многократно моихЪ
„ заблужденій, удостоилабЪ примѣтить
„ мою любовь.... Или я забылЪ, что я
„ заслужилЪ вѣчное ея презрѣніе....
„ Ураніею, быть презриму.... Возвра-
„ щаяся онЪ на свою рѣчь, ахЪ! сколько
„ тревожитЪ меня лютая сія мысль; но
„ она слышала раскаяніе мое, и видѣла
„ отчаяніе, а вось либо хотя то вЪ жа-
„ лость ея привело. ПисьможЪ ея не со-
„ держитЪ ни ненависти, ни презрѣнія;
„ вЪ немЪ я не нахожу кромѣ друже-
„ скихЪ совѣтовЪ; она тужитЪ обо мнѣ,
„ уговариваетЪ меня пользоваться зло-
„ ключеніемЪ моимЪ, чтобЪ чрезЪ то
„ научиться побѣждать слабости свои,
„ но не ужЪ ли и любить ея вЪ чи-
„ слѣ тѣхЪ слабостей? Конечно нѣтЪ,
„ любезная Уранія, обожать тебя, есть
„ предметЪ здраваго разсужденія, тор-
„ жествуй же. О! коль благословенное чув-
„ ство царствуетЪ вЪ томЪ сердцѣ, ко-
„ торое давно слѣдовало быть твоимЪ;
„ конечно! ежели я осужденЪ, и вѣчно
„ презрѣнЪ быть ею, со всѣмЪ тѣмЪ очень
„ щастливымЪ себя назову, умереть
„ боготворя ея.

Въ самое сіе время онъ получилъ письмо отъ Мерендора, которое тѣмъ паче его обрадовало, что оное увѣдомляло его, что ему можно возвратиться въ отечество свое, въ которое дружба, равно какъ и страстная любовь, стремили его желанія возвратиться; ежели онъ не осмѣливался обнадеживать себя взаимной любовію Ураніиной, по малой мѣрѣ веселился тѣмъ, что ея увидитъ, станетъ съ нею говорить, которое удовольствіе казалось ему тогда дороже всего въ свѣтѣ.

Между тѣмъ Мерендоръ поѣхалъ въ то мѣсто, гдѣ его любезная пребывала, будучи тогда уже совершенно здоровъ; Викторіи же нужды не было уже скрывать удовольствія своего свидясь съ нимъ.

„И такъ мы опять увидѣлись, Ме„рендоръ; ахъ, Викторія! любовь насъ „вновь соединила, выговорили они оба „вдругъ, какое благополучіе, такъ ли „тебѣ оно дорого, какъ мнѣ, чувству„ешь ли ты столько радости отъ того, „сколько я! Уже всѣ препятствія мино„вались, щедрость Божія совершаетъ „наше желаніе; дорогой любовникъ, обо-

„жа-

„ жаемая любовница, сколько прискорбно-
„ стей претерпѣли мы, но сколькожъ и
„ награждены за то?

Между тѣмъ Уранія старалась склонить фамилію Викторіину въ пользу Мерендорову, прославляя имъ достоинство и добродѣтели его, изъясняя всѣ доказательства любви его къ ихъ сродницѣ, и взаимной ея любви къ нему; словомъ сказать, склонила ихъ согласиться на желаемой бракъ сими взаимно обязавшимися любовниками.

Мерендоръ изумленъ былъ радостною сей вѣдомостью; новой опытъ Ураніиной дружбы достоинъ былъ его признанія, которую онъ возблагодаря чувствительными словами, сталъ торопиться сколько могъ скорѣе пріуготовленіями къ окончанію того своего благополучія. Наконецъ день, назначенной для ихъ сочетанія, наступилъ, и Мерендоръ съ Викторіею пошли къ вѣнцу. Разсужденіе и любовь служили имъ предводительми; непорочность и добродѣтель сотовариществовали, и безъ всякаго убранства Викторію украшала одна природная красота, въ чемъ Мерендоръ

последовалъ ей. Клятвенное обѣщаніе любить другъ друга вѣрно не иное что было, какъ повтореніе тѣхъ, которыми они уже стократно обязались; тажъ искренность и тожъ чистосердечіе присутствовало притомъ, и такъ могло ли то когда колебнуться?

Уранія участница была ихъ торжества, будучи столько обрадована тѣмъ, что съ радости плакала, многократно цѣловала Викторію, а Мерендора увѣряла въ томъ изъясненіями дружескими.

„Будьте щастливы, говорила она „имъ радостнымъ голосомъ, въ томъ „заключаетъ единственное удовольствіе „свое страстная Уранія. Боже! помоги „тебѣ столькожъ быть, сколько мы „есть, отвѣчали оба вдругъ новобрачные. „Ахъ! любезная Уранія, въ благополучіи „нашемъ только не достаетъ удовольствія видѣть тебя столькожъ щастливу, сколько мы; сего только желаемъ „и надѣемся. . . .

„Оставимъ сію рѣчь, сказала Уранія вздохнувъ, я тѣмъ не льщусь, и „желать не смѣю того; видѣть васъ

„счастли-

„ счастливыхъ и пользоваться безпрерывно дружбою вашею, въ томъ все
„ мое желаніе состоитъ.

„ Можно ли намъ отмѣнить свою
„ дружбу отъ тебя, отвѣчалъ на то
„ Мерендоръ и Викторія, все отвѣтству-
„ етъ въ томъ тебѣ, любезная Уранія,
„ и все утверждаетъ тебя въ непоколе-
„ бимой дружбѣ двухъ сердецъ стра-
„ стныхъ и вѣрныхъ; сердечная склон-
„ ность, почтенія и признаніе суть зна-
„ ки, которые славу приносятъ любви
„ нашей къ тебѣ, и заслуживаютъ славу
„ имени друзей твоихъ.

Послѣ сихъ рѣчей Мерендоръ обратился къ боготворимой своей Викторіи.
„ Я твой, а ты моя любезная Ви-
„ кторія, сказалъ онъ, теперь уже Богъ
„ благословилъ ту клятву, которою
„ такъ давно мы обязались другъ дру-
„ гу, только могуль я столько щастливъ
„ быть, чтобъ совершившееся наше соче-
„ таніе вѣчно не колебнуло любви твоей
„ ко мнѣ?

„ Можешь ли въ томъ ты сомнѣ-
„ ваться, отвѣчала страстнымъ голо-

„ сомъ

„ сомъ Викторія, разсуждевіе, будучи „ началомъ любви моей, не уже ли не„ довольное доказательство для удосто„ вѣренія тебя въ моей твердости?

„ Прости мнѣ сей вопросъ обожаемая „ супруга, сказалъ Мерендоръ цѣловавъ „ съ восхищеніемъ Викторію, не почти „ онаго дѣйствіемъ обиднаго сомнѣнія „ моего противъ тебя; единственное „ удовольствіе слышать твои увѣренія, „ что вѣчно меня любить не переста„ нешь, причиною того вопросу; во мзду „ чего будь несомнѣнна въ вѣрности мо„ ей, и знай, что Мерендоръ прежде „ умретъ, нежели на моментъ переста„ нетъ боготворить тебя.

Нѣсколько дней послѣ сей свадьбы, Мерендоръ возвратился въ Парижъ съ Ураніею и Викторіею, гдѣ Дамонъ уже ожидалъ ихъ съ тѣмъ нетерпѣніемъ, которое обыкновенно имѣютъ влюбленные люди; благопристойность не дозволила ему пріѣхать туда, гдѣ были Дорантовы сродники; присутствіе Дамоново обрадовало очень Мерендора; Викторіяжъ много имъ одолжена была, чтобъ могла долго сердиться на него, довольно того, что она тогда,

тогда, какъ свѣдала о томъ приключеніи, чаяла себя обиженной имъ; и такъ она охотно согласилась увидѣть его, и въ самомъ короткомъ времяни, помощію добродѣтельныхъ качествъ въ немъ, она обязалась и дружбою съ нимъ.

Дамонъ долго не смѣлъ отважиться открыть Мерендору о любви своей къ Ураніи; когдажъ началъ о томъ ему сообщать, но такимъ смущеннымъ голосомъ, что Мерендоръ въ искренности того сомнѣваться не могъ, чему хотя онъ очень обрадовался, со всѣмъ тѣмъ умѣлъ скрыть то свое удовольствіе отъ Дамона по той причинѣ, что онъ не вѣдалъ настоящихъ намѣреній Ураніиныхъ въ томъ случаѣ, и для того хотѣлъ испытать твердость сердца его, и притомъ оставить ему самому славу торжествовать побѣдою той любезной женщины. Такимъ образомъ Дамонъ очень встревоженъ былъ неизвѣстіемъ опредѣленія любви своей; ибо онъ только въ отвѣтъ получилъ отъ него совѣтъ не упускать ничего возможнаго удостоиться щастія желаннаго, обнадежилъ же его только тѣмъ, что страстное и добродѣтельное сердце всего можетъ ожидать

отъ

отъ столь чувствительной и справедливой души, какую имѣетъ Уранія.

Для умноженіяжъ удовольствія Ураніина, Мерендоръ оставилъ ей самой примѣтить страсть Дамонову къ себѣ, открылъ же только о томъ Викторіи одной.

Что больше сердце нѣжности чувствуетъ, то меньше льстится искреннимъ возвратомъ, все опасается быть обмануто. Уранія скоро примѣтила любовь Дамонову къ себѣ, только почла ту неосновательной, и для того остерегалась показать себя чувствительной тому. Дамонъ же, не смотря на холодность ея, ничего не упускалъ ко истребленію ея сомнѣній, и не столько рѣчьми, сколько безмѣрно робкимъ поведеніемъ старался въ любви своей ея утверждать; нечаянной случай въ томъ больше способствовалъ ему, нежели онъ когда льститься могъ.

Дамонъ давно сбирался написать къ Емиліи, чтобъ она не ожидала возврату его къ себѣ, которое намѣреніе онъ принялъ вскорѣ послѣ, какъ отъ нея къ

Мерен-

Мерендору поѣхалъ, въ прибавокъ къ чему хотѣлъ объявить, чтобъ она не щитала больше никакого права имѣть въ сердцѣ его; исполнилъ же оное во время пребыванія своего въ Англіи. Письмо его наполнено было упреками въ хитростяхъ ея, и во вредѣ, которой она приключила въ почтенномъ обществѣ, также нравоучительнымъ разсужденіемъ о пользѣ, которуюбъ она могла еще пріобрѣсть отъ слабости его, ежелибъ она, слѣдуя благоразумію послѣ первой ссоры съ нимъ, не продолжала бы скверныхъ своихъ дѣлъ: однако сіе письмо уничижило нѣсколько самолюбіе Емиліино, а нимало не устыдило, и будучи увѣрена опытомъ владычества своего надъ Дамономъ, не отчаявалась опять истребить принятое имъ намѣреніе, и вновь побѣдить его; въ расположеніи которомъ коль скоро свѣдала о возвратѣ его въ Парижъ, то стала употреблять всевозможные способы увидѣться съ нимъ безъ свидѣтелей; но цѣломудріе Дамоново испровергло всѣ способы къ тому. Осторожность его простиралась до тѣхъ поръ, что всѣ письма, которыя она писала къ нему, онъ возвращалъ къ ней не распечатывая: когдажъ нечаянно случалось

ему съ ней встрѣтиться, тогда онъ отсюду уѣзжалъ, не допуская ея ниже близко къ себѣ подойти, помощію котораго обращенія Дамонъ свободилъ себя отъ докукъ Емиліиныхъ.

Мерендоръ старался убѣждать Уранію твердостію и скромностію Дамоновою; въ чемъ безтрудно предуспѣлъ, токмо она опасалась еще обнадежить Дамона возвратомъ любви своей, и по той причинѣ ровно три мѣсяца скрывала то намѣреніе свое. Постоянство Дамоново довольно испытано было столь долгимъ ожиданіемъ; онъ во все то время инако желаніе и нетерпѣніе свое не доказывалъ, какъ покорностію, почтительнымъ обращеніемъ и непрестанными вздохами. Такая строгость противу Дамона въ жалость привела Мерендора и любезную его Викторію, которые стали осуждать Уранію тѣмъ упорствомъ.

„Для чего столько жестокосердія „являешь ты противу самой себя, сказала въ одинъ день Викторія ей? Ты „довольно уже времяни имѣла для опыту „любви Дамоновой къ себѣ, которой во „всѣхъ случаяхъ доказывалъ тебѣ по-

„стоян-

„стоянство и кротость свою. Прежде
„сего ты столь страстно любила его,
„не ужъ ли нынѣ уже отмѣнилась, и
„въ то время, когда ты любила Дамона
„нечувствительнаго, какимъ образомъ
„можешь холодностію платить, видя его
„страстна и вѣрна?

„Ты мало знаешь сердце мое, ко-
„гда о мнѣ такъ разсуждаешь, отвѣ-
„чала Уранія; оно никогда страстнѣе
„и чувствительнѣе не бывало, какъ те-
„перь есть къ Дамону; но, любезной
„другъ! или ты чаешь, что я могу
„надѣяться на вѣрность его?

„Одинакое обращеніе, которое онъ
„такъ долго продолжаетъ, сказала Ви-
„кторія, и твердость его противъ иску-
„шающихъ Емиліиныхъ стараній въ
„самое то время, въ которое ты огор-
„чаешь его знаками постоянной холод-
„ности, не довольноль было бы? . . .

„Признаюсь въ томъ, отвѣчала
„Уранія, и въ прибавокъ скажу, что
„мнѣ великаго труда стоило скрывать
„умноженіе любви моей, которое сіи об-
„стоятельства произвели въ сердцѣ мо-

 „емъ

„емъ къ нему; но я столько разъ въ „немъ ошибалась . . . ,

Лишъ только Викторія хотѣла отвѣчать, какъ вдругъ Дамонъ, выслушавъ часть разговору ихъ, вошелъ къ нимъ, и сталъ самъ защищать любовь свою противъ Ураніи.

„Или вѣчно вы сомнѣваться станете во мнѣ, любезная Уранія, сказалъ „онъ ей ставъ на колѣни? И не уже „ли навсегда примѣромъ признавать стане „поступокъ, мною учиненной во „время заблужденія и ослѣпленія? Отчаяніе мое и признаніе, которое я „при васъ многократно изъяснялъ во „всѣхъ своихъ продерзостяхъ, большую „часть сокрушенія, о которомъ вы и „не вѣдаете, не должно ли было бы „увѣрить васъ въ твердой премѣнѣ, „кою вы во мнѣ произвели? И ежели еще вы сомнѣваетесь въ моей „искренности, спросите у любезной „Викторіи и у справедливаго Мерандора, которые столькожъ, или „еще и болше друзья вамъ, нежели „мнѣ: они оба свидѣтели были моихъ „заблужденій, будучи тѣхъ и жер-

„твою;

„ швою; однако въ любви моей они нимало сомнѣнія не имѣютъ; послѣдуйте ихъ совѣту, и удовлетворите любовь мою взаимностію. Вы причиною, что я повиновался здравому разсужденію, которое вы же плѣнили любовью нѣжною; во мзду того согласись, любезная Уранія, быть и побѣжденною тѣмъ.

Мерендоръ очень во время пришелъ подвигнуть Уранію къ исполненію того, которую только стыдъ воздерживалъ въ томъ, что онъ угадавъ, перебилъ рѣчь Дамонову, и сказалъ веселымъ видомъ:

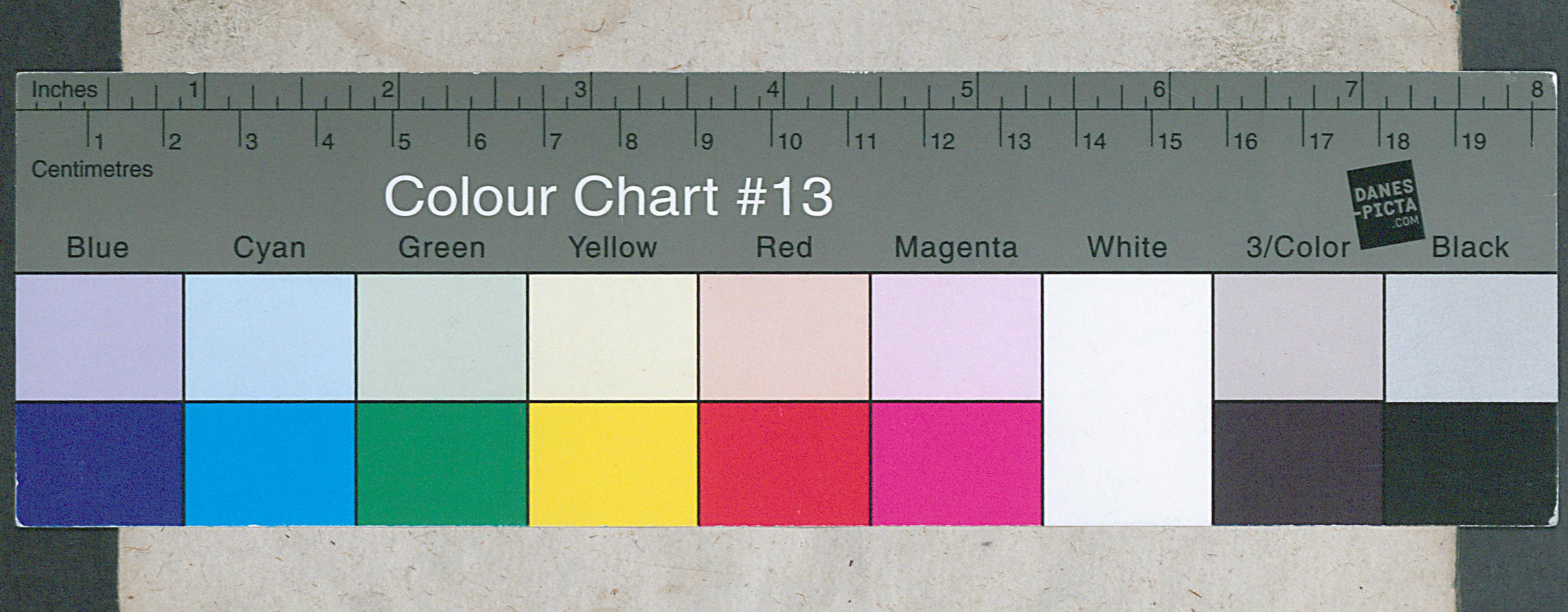
„ Я отвѣчаю въ согласіи ея, и взявъ ея руку, которую подавая Дамону, сказалъ: Уранія! не оставь меня въ словѣ; ты превратила Дамона изъ человѣка, овладѣвшаго порочными слабостьми, любовникомъ страстнымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ; словомъ сказать, просвѣтила его премудростію; теперь пользуйся своимъ трудомъ; желаю, чтобъ Богъ благословилъ тебя благополучіемъ толь совершеннымъ, сколько есть то, которое я имѣю, обожая жену свою.

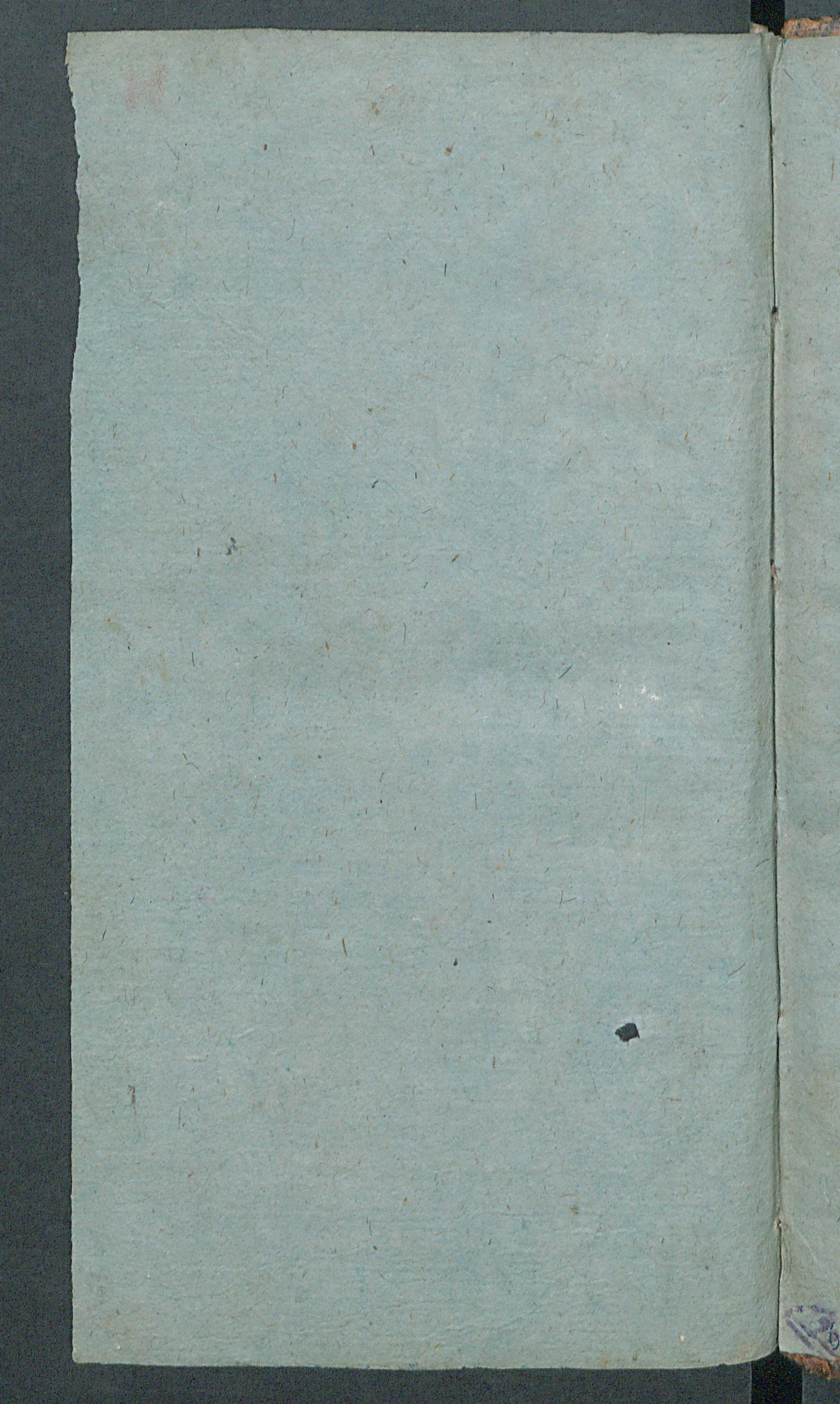
Сердце Ураніино было очень согласно съ рѣчью Мерендоровой, чтобъ долѣе упорствовать желанію Дамонову; она призналась въ чувствуемой любви къ нему, и тотъ же часъ помолвили ихъ, за чѣмъ не медля свадьба послѣдовала безо всякой же церемоніи, по примѣру свадьбы друзей ихъ. Я не предпринимаю описывать радости и удовольствія сихъ совокупившихся любовниковъ, а оставляю сердцамъ, испытавшимъ любовь нѣжную по себѣ то вообразить. Въ заключеніе сего имѣю донесть только то, что они будучи на вѣки обязаны непоколебимою любовію и дружбою, склонность сердечная, эстима и Философія обще способствовали непрерывному продолженію блаженства, достойнаго ихъ добродѣтели; словомъ сказать, такого, какое рѣдко въ свѣтѣ случается.

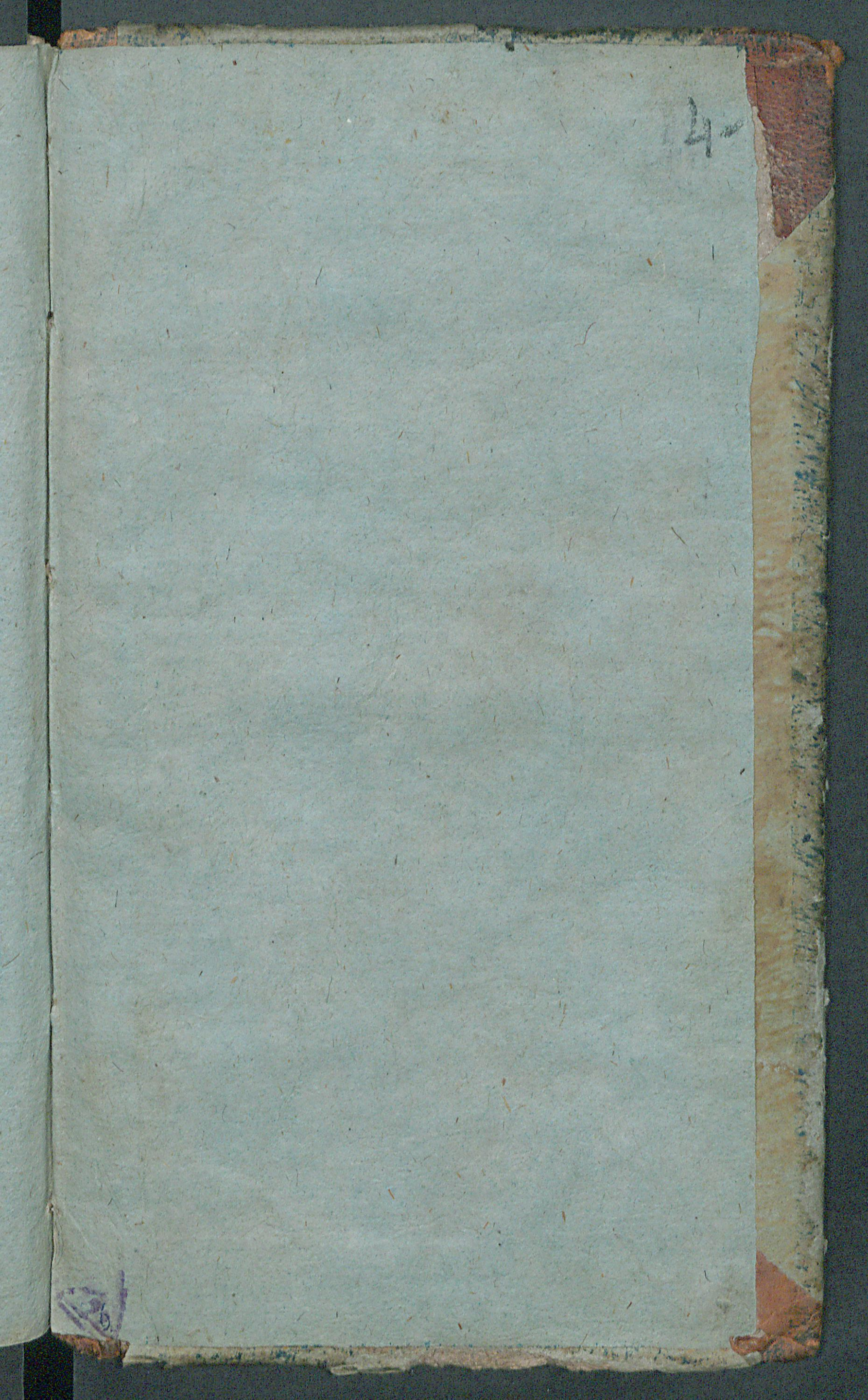
КОНЕЦЪ.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина
2491-66
гив. [illegible] III - 1689
КП-30908

Inches
Centimetres
Colour Chart #13
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black
DANES PICTA .COM

44-

